Т. Г. Шевченко,

пѣвецъ Украины и Запорожья.

(1814—1861)

Съ портретомъ и 8 иллюстраціями въ текстѣ.

Очеркъ
Вл. П. Кранихфельда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Вѣстника казачьихъ войскъ“
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЖИЗНЬ ПОЭТА.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПОЭТА.

Портретъ Шевченко сдѣланъ съ литографіи А. Э. Мюнстера.

Безплатное приложенiе къ «Вѣстнику Казачьихъ Войскъ». Январь 1901 г.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ПѢВЕЦЪ УКРАИНЫ И ЗАПОРОЖЬЯ.

(1814—1861).

Очеркъ Вл. П. Кранихфельда.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографiя М. П. Фроловой. Галерная улица, д. № 6.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Февраля 1901 года.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 марта 1901 г. — Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная 6.

ВСТУПЛЕНІЕ *).

Жизнь и произведенія Тараса Григорьевича Шевченко— это исторія малорусскаго народа.

„Шевченко, какъ поэтъ, — говоритъ Костомаровъ — это былъ самъ народъ, продолжавшій свое поэтическое творчество. Пѣсня Шевченко была сама по себѣ народная пѣсня, только новая — такая пѣсня, какую могъ-бы запѣть теперь цѣлый народъ, какая должна была вылиться изъ народной души въ продолженіе народной современной исторіи. Съ этой стороны Шевченко былъ избранникомъ народа въ прямомъ значеніи слова... Шевченко сказалъ то, что каждый народный человѣкъ сказалъ-бы, еслибы его народное существо могло возвыситься до способности выразить то, что хранилось на днѣ его души... Шевченко говоритъ такъ, какъ народъ еще и не говорилъ, но какъ онъ готовъ былъ уже заговорить и только ожидалъ, чтобы изъ среды его нашелся творецъ, который-бы овладѣлъ его языкомъ и его тономъ; и вслѣдъ за такимъ творцомъ точно также заговоритъ и весь народъ и скажетъ единогласно: это мое... Поэзія Шевченко есть непосредственное продолженіе народной поэзіи“.

Поэтическій истолкователь исторіи многострадальнаго народа, выразитель его души, со всѣми ея достоинствами и

---

*) Важнѣйшіе источники, которые легли въ основаніе настоящаго очерка: „Кобзарь“ Т. Г. Шевченко. Автобіографія Шевченко, его дневникъ и переписка. „Жизнь Т. Г. Шевченко“, сост. А. Я. Конисскій, Одесса 1898 г. „Литературное наслѣдіе Костомарова“, Спб. 1890 г. Соч. Добролюбова, т. III. „Т. Г. Шевченко“, сост. В. И. Яковенко, Спб. 1894 г. и разныя статьи, замѣтки и воспоминанія, разбросанныя въ журналахъ.—Рисунки въ текстѣ: 1—оригинальный, другіе—изъ соч. Конисскаго и „Кіевск. Старины“.

недостатками, Шевченко затронулъ въ своей поэзіи всѣ стороны жизни Украины. И подобно тому какъ исторія Малороссіи тѣсно переплелась съ исторіей мѣстнаго казачества, съ возникновеніемъ котораго на югѣ Россіи, собственно говоря, только и начинается политическая жизнь малорусскаго народа,—такъ и у Шевченко казачество совершенно неотдѣлимо отъ остальныхъ элементовъ его поэзіи. Подъ роскошнымъ небомъ Украины въ произведеніяхъ Шевченко живетъ, поетъ и страдаетъ порабощенный казакъ, положеніе котораго тѣмъ болѣе тяжело, что всѣ преданія вольнаго казачества не могутъ мириться съ ярмомъ крѣпосничества. Независимый и гордый, украинскій казакъ создалъ себѣ на Хортицѣ или на Томаковскомъ островѣ твердый оплотъ отъ покушеній на его свободу и долгое время считалъ себя вполнѣ равноправнымъ членомъ той семьи, къ которой принадлежали и Московщина и Польша. Но посторонняя сила сломила казака и постепенно превратила его, вольнаго человѣка, въ крѣпостного, безправнаго раба. Польскіе паны, вмѣстѣ съ казацкой-же старшиною, захватили Малороссію въ руки и обездолили ее. Бывшій казакъ, а теперь крѣпостной могъ протестовать противъ этого насилія въ формѣ гайдамачины, которая въ 1768 г. обострилась и, подъ именемъ „Коліивщины“, залила кровью Малороссію и Польшу.

200.000 человѣческихъ жертвъ похитила Колліивщина и, затихнувъ, перелилась кровавой волной на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ въ формѣ пугачевщины потрясла всю широкую Русь. Неудивительно поэтому, что эта послѣдняя вспышка народнаго протеста противъ крѣпостничества и шляхетскихъ привеллегій сильно поразила воображеніе малороссовъ и сдѣлалась темой для многочисленныхъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Но съ такой полнотой, съ такимъ художественнымъ блескомъ, съ какимъ съумѣлъ возстановить преданіе объ этой эпохѣ Шевченко, никому ни до, ни послѣ него говорить не пришлось, и „Гайдамаки“ его по праву могутъ быть поставлены въ центрѣ всей его поэтической дѣятельности, откуда въ видѣ отдѣльныхъ яркихъ лучей отходятъ:

съ одной стороны произведенія, характеризующія событія до Колліивщины, съ другой—современное поэту положеніе малорусскаго народа.

Подробнѣе о произведеніяхъ Шевченко будетъ сказано далѣе, а теперь разскажемъ о жизни поэта, исторія которой— по собственному его замѣчанію — составляетъ часть исторіи его родины.

Жизнь поэта.

Глава I.

Дѣтскіе годы Т. Г. Шевченко.—Вліяніе природы, окружающей обстановки и семьи.—Служба въ „казачкахъ".—Обученіе живописи.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Встрѣча съ художникомъ Сошенко.—Новыя знакомства.—Пробужденіе поэтическаго таланта.—Свобода.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25-го февраля 1814 г. въ селѣ Моринцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губ., откуда вся семья его вскорѣ - же переселилась въ сосѣднее село Кириловку, Каневскаго уѣзда. Волнистая, покрытая густыми вѣковыми лѣсами, мѣстность эта, по красотѣ положенія и по ровной мягкости климата, составляла въ то время одинъ изъ наиболѣе благодатныхъ уголковъ южной Россіи. Природа сама, казалось, располагала людей къ художественному творчеству, и рѣдкая деревня не имѣла здѣсь въ то время своего маляра-живописца, съ любовью посвящавшаго свои досуги главнымъ образомъ иконописанію. Кое-кому изъ этихъ самодѣльныхъ мастеровъ удавалось пробивать себѣ и болѣе широкую дорогу, и одному изъ нихъ, художнику Сошенко, привелось впослѣдствіи оказать въ С.-Петербургѣ своему геніальному земляку крупную услугу, опредѣлившую затѣмъ всю дальнѣйшую жизнь поэта. Но какъ ни роскошна была природа на родинѣ Шевченко, людямъ жилось тамъ отъ этого не легче. Напротивъ, еще во времена татарскихъ набѣговъ мѣстность эта не одинъ разъ подвергалась жестокимъ погромамъ, а подъ игомъ польскаго владычества она слу-

жила ареной для кровавыхъ разсчетовъ гайдамачины съ панами. Это были отдѣльныя вспышки народнаго негодованія, вспышки, которыя отнюдь не могли помѣшать однако полному закрѣпощенію населенія, и въ цѣпяхъ крѣпостничества, но уже на русской почвѣ, мы застаемъ семью Шевченко въ моментъ рожденія Тараса.

Родители Шевченко, какъ крѣпостные крестьяне, принадлежали помѣщику Энгельгардту. Конечно, на ребенкѣ это состояніе его родителей непосредственно не отражалось,—ребенкомъ помѣщикъ не интересовался, и никакого отношенія къ помѣщичьему дому Тарасъ не имѣлъ. Но косвенное вліяніе крѣпостничества, вліяніе темной и грубой закрѣпощенной среды съ самого нѣжнаго возраста со всѣхъ сторонъ окружало и давило его. Еще при жизни матери мальчику жилось, должно быть, не дурно; по крайней мѣрѣ объ этомъ періодѣ дѣтства Шевченко вспоминалъ впослѣдствіи съ любовью. Но мать его жила недолго, и уже на девятомъ году маленькій Тарасъ остается сиротою на попеченіи у отца вмѣстѣ съ двумя другими малолѣтними братьями и тремя сестрами. Чтобы справиться съ хозяйствомъ и съ этой большой семьей, отецъ Тараса, Григорій Шевченко, поспѣшилъ жениться, принявъ къ себѣ въ домъ вдову, имѣвшую отъ перваго мужа троихъ дѣтей, также малолѣтокъ. Конечно, мачиха не замѣнила маленькимъ Шевченкамъ „доброй нени“. Женщина суровая и сварливая, она внесла въ новую семью адъ. „Не проходило часа—разсказываетъ самъ Шевченко—безъ слезъ и драки между нами, дѣтьми, не проходило часа безъ ссоръ и брани между отцомъ и мачихою. Мачиха особенно ненавидѣла меня, вѣроятно, за то, что я часто тузилъ ея тщедушнаго Степана“. Тараса били и за вину, и безъ вины, били нещадно, причемъ особенно жестокимъ палачемъ вырисовывается въ воспоминаніяхъ родныхъ дядя поэта—Павелъ. Однажды, напримѣръ, Степанъ проштрафился въ воровствѣ, но мачиха заподозрила Тараса. Предчувствуя бѣду, маленькій Тарасъ сбѣжалъ и спрятался гдѣ-то въ заброшенномъ огородѣ, гдѣ и просидѣлъ

Хата, гдѣ провелъ дѣтство Т. Г. Шевченко.

подрядъ четверо сутокъ. Разысканный все тѣмъ-же Степаномъ и притащенный домой, Тарасъ былъ подвергнутъ жестокому допросу съ пристрастіемъ, причемъ дядя Павелъ истязалъ розгами ни въ чемь неповиннаго мальчика цѣлыхъ три дня.

Эта жестокая обстановка младенческой жизни поэта не сломила, къ счастью, его характера. Правдивый, любознательный, непосѣдливый, полный молодого дѣтскаго задора, онъ и тогда уже производилъ на окружающихъ впечатлѣніе пробуждающейся крупной силы, дальнѣйшее направленіе которой было однако никому еще неизвѣстно. Чрезвычайно любопытны въ этомъ смыслѣ пророческія слова, сказанныя отцомъ поэта на смертномъ одрѣ, когда Тарасу было около 11 лѣтъ. Распредѣляя между дѣтьми свой скудный достатокъ, умирающій хлѣборобъ сказалъ: „сынови Тарасу зъ мого хозяйства ничого не треба,—винъ не буде абыякымъ чоловикомъ: зъ ёго буде або щось дуже добре, або велыке ледащо (большой негодяй); для ёго моя спадщына або ничого не значытыме, або ничого не поможе“.

Характеризуя семью Тараса Григорьевича, нельзя умолчать еще объ одной крупной фигурѣ, близость къ которой наложила неизгладимый отпечатокъ на настроеніе и мысль поэта. Мы говоримъ о родномъ дѣдѣ поэта, столѣтнемъ старцѣ, который принималъ очевидно близкое участіе въ кровавыхъ дѣлахъ гайдамачины и который умѣлъ картинно и ярко разсказывать какъ о самой эпохѣ, такъ и о выдающихся ея дѣятеляхъ.

Столитніи очи якъ зори сіялы,
А слово за словомъ сміялось, лылось:
Якъ ляхы коналы, якъ Смила горила,
Сусиде отъ страху, отъ жалю нимилы.
И мени, малому, не разъ довелось
За тытаря плакать. И нихто не бачивъ,
Що мала дитына у куточку плаче...

И съ теплой благодарностью вспоминаетъ Шевченко впослѣдствіи своего дѣда, съумѣвшаго сохранить въ столѣтней головѣ казацкую славу и давшаго возможность поэту передать эту славу внукамъ.

Грамотный и начитанный въ св. писаніи отецъ Шевченко хотѣлъ научить грамотѣ и своего сына и съ этой цѣлью отдалъ его въ науку къ мѣщанину Губскому. Обученіе въ то время неизбѣжно сопровождалось поркой, и поэтому маленькій Тарасъ, которому въ сущности грамота далась скоро, въ теченіе короткаго времени самовольно оставляетъ одного учителя за другимъ, какъ только начинаетъ пропадать его терпѣніе подъ жестокими и несправедливыми ударами. Въ промежуткахъ между переходомъ отъ одного учителя къ другому, а затѣмъ и по окончаніи „курса“, Тараса пытаются пристроить къ работѣ: его заставляютъ пасти скотъ, пріучаютъ къ земледѣлію, но ни то, ни другое занятіе не прельщаютъ будущаго пѣвца Украины. Въ немъ вспыхиваетъ страсть къ живописи, и онъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока, избѣгавъ нѣсколькихъ маляровъ, не нашелъ человѣка сговорчиваго, согласившагося принять въ науку шестнадцатилѣтняго оборванца. Мечта Тараса была уже близка къ осуществленію, но тутъ случилось насчастье, Тараса неожиданно потребовали на кухню къ Энгельгардту и отсюда уже черезъ нѣкоторое время онъ попалъ въ лакейскую на должность „казачка“.

„Изобрѣтеніе комнатныхъ казачковъ—пишетъ Шевченко —принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украины—полякамъ; помѣщики иныхъ національностей перенимали у нихъ казачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краѣ,

нѣкогда казацкомъ, сдѣлать казака ручнымъ съ самого дѣтства, это то-же самое, что въ Лапландіи покорить произволу человѣка быстроного оленя"...

И вотъ потомокъ вольныхъ казаковъ, внукъ стараго гайдамаки—въ роли казачка стоитъ въ барской передней. Обязанности его несложны: стоять неподвижно и молча, пока баринъ не велитъ подать трубку, тутъ-же рядомъ съ нимъ стоящую, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. Но живой и увлекшійся мечтой о живописи мальчикъ не годился для этой роли.—Нарушая барскій приказъ, онъ напѣвалъ себѣ втихомолку гайдамацкія пѣсни или срисовывалъ карандашемъ висѣвшія на стѣнахъ картины. И за пѣсни и за рисунки доставалось ему не мало; однажды за срисовываніе картины Шевченко былъ до крови выпоротъ на конюшнѣ. Но непреодолимая страсть къ живописи отъ всѣхъ этихъ гоненій ничуть не ослабѣвала, и въ концѣ концовъ побѣдителемъ всетаки оказался не баринъ, а казачекъ. Энгельгардтъ, убѣдившись, повидимому, что изъ Тараса путнаго казачка, несмотря на побои, не выйдетъ, отдалъ его, въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Варшаву, къ извѣстному въ то время портретисту Лампи. Отсюда, года черезъ два, съ переѣздомъ Энгельгардта въ Петербургъ, былъ переведенъ въ столицу и Шевченко и отданъ здѣсь на выучку къ живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву. Уроки мастера не удовлетворяли однако Шевченко, и въ свѣтлыя ночи онъ бѣгалъ украдкой въ Лѣтній садъ рисовать со статуй.

Здѣсь, въ одинъ изъ этихъ ночныхъ художественныхъ сеансовъ, случайно столкнулся Шевченко со своимъ землякомъ художникомъ Сошенко. Увидѣвъ въ такую необычную пору оборвыша, да къ тому-же украинца по наружности, зачерчивающаго что-то на бумагѣ передъ статуей, Сошенко подошелъ къ юношѣ, разговорился съ нимъ и принялъ въ немъ теплое участіе. Онъ приглашалъ Шевченко къ себѣ, сталъ развивать его, снабжалъ книгами и наконецъ познакомилъ его съ выдающимися въ то время писателями и художниками. Такимъ образомъ съ Шевченко познакомились

и приняли въ немъ участіе писатели Гребенка и Жуковскій и художники Григоровичъ, Венеціановъ и Брюлловъ. Но въ то время, какъ передъ Шевченко раскрывался новый міръ духовныхъ интересовъ, развертывалась картина новыхъ человѣческихъ отношеній, настроеніе его все болѣе и болѣе омрачалось обострявшимся сознаніемъ своего безправнаго положенія раба. Въ академію художествъ, куда влекло его призваніе, поступить онъ не могъ, потому что въ то время крѣпостные туда не принимались. Чтеніе книгъ, за которое онъ схватился съ жадностью, съ цѣлью самообразованія, только содѣйствовало, разумѣется, пониманію всего ужаса того положенія, въ какомъ онъ находился. А тутъ еще случился эпизодъ, который едва не окончился для Шевченко трагически, если-бы не вмѣшательство его друга Сошенко. Законтрактованный Ширяеву, Шевченко рѣдко показывался въ помѣщичьемъ домѣ. Но, бывая тамъ и встрѣчаясь съ дворовыми людьми, онъ заговаривалъ съ ними объ ихъ общемъ безправіи. Разговоры эти дошли до смотрителя, и онъ отдалъ приказъ выпороть на конюшнѣ этого проповѣдника человѣческихъ правъ. Шевченко схватили и потащили уже на расправу, и только ходатайство Сошенко передъ молоденькой женой смотрителя, съ которой онъ рисовалъ тогда портретъ, спасло поэта отъ унизительнаго наказанія. Все это не могло не останавливать на себѣ вниманія и новыхъ знакомыхъ Шевченко. Они рѣшили освободить его и, въ надеждѣ на великодушіе Энгельгардта, завели съ нимъ переговоры. Помѣщикъ однако не хотѣлъ выпускать изъ рукъ раба, дарованія котораго сулили ему въ будущемъ матеріальныя выгоды. Объ освобожденіи Шевченко онъ не захотѣлъ даже говорить и рѣшительно назначилъ цѣну за выкупъ—2500 рублей. Для Шевченко возможность достать такую громадную сумму казалась совершенно невѣроятной, и онъ горько плакалъ, узнавъ объ отвѣтѣ помѣщика. Но возможность скоро сдѣлалась вѣроятной: Брюловъ рѣшилъ написать портретъ Жуковскаго, разыграть его въ лотерею и на собранныя деньги купить свободу несчастному поэту.

Скованный цѣпями рабства, Шевченко все время, несмотря на самыя неподходящія для этого условія, старался расширять свой духовный кругозоръ и обогащать умъ знаніями; свою страсть къ художественному творчеству онъ удовлетворялъ тѣмъ, что учился живописи. Но все это было только подготовкой къ творчеству. Способность-же творческая все еще спала, стиснутая оковами, и только теперь, на зарѣ освобожденія, она вдругъ проснулась: Шевченко впервые появляется передъ нами въ новой роли поэта Украины, Его первое поэтическое произведеніе „Причинна“ написана имъ въ предчувствіи свободы ранней весной 1838 г., *а 22-го апрѣля того-же года*, послѣ того, какъ былъ разыгранъ въ лотерeѣ портретъ Жуковскаго, состоялась покупка свободы человѣка у человѣка. Въ это время Шевченко было уже 24 г.

Глава II.

Разносторонняя дѣятельность Шевченко послѣ освобожденія.—Тоска по Украинѣ.—Поѣздка на родину.—Первыя впечатлѣнія.—„Мочеморды“, крѣпостники и кіевская молодежь.—Неудавшееся сватовство.—Кирилло-Меѳодіевское общество.—Арестъ.

Съ этого знаменательнаго дня, 22 апрѣля, Шевченко началъ посѣщать классы академіи художествъ и скоро сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ К. П. Брюллова. За работу онъ принялся очевидно съ большимъ стараніемъ, такъ что уже черезъ годъ ему присуждена была медаль за рисунокъ. Отдаться живописи цѣликомъ онъ однако не могъ. Напротивъ, получивъ свободу, онъ почувствовалъ въ себѣ такой избытокъ силъ, что можно только удивляться теперь разносторонности, съ какою онъ ихъ расходуетъ. Онъ пишетъ стихи и уже въ 1840 году появился въ свѣтъ первый печатный сборникъ его произведеній подъ именемъ „Кобзарь“. Встрѣченный съ громаднымъ сочувствіемъ въ Малороссіи, сборникъ этотъ столичными критиками, въ томъ числѣ и Бѣлинскимъ, принятъ былъ холодно и даже неодобрительно, что повидимому очень огорчило поэта,

хотя, къ счастью, не остановило дальнѣйшей его работы въ этомъ направленіи. Ни занятія живописью, ни поэтическое творчество не мѣшали поэту много и упорно работать надъ собственнымъ образованіемъ. Онъ очень много читаетъ, главнымъ образомъ по литературѣ и исторіи, обращая особенное вниманіе на исторію своей родины. Онъ аккуратно посѣщаетъ нѣкоторыя лекціи профессоровъ университета и медицинской академіи, два раза въ недѣлю слушаетъ лекціи физики въ помѣщеніи Вольнаго Экономическаго Общества, беретъ уроки французскаго языка и т. п. При всемъ этомъ у поэта хватаетъ времени вести и такъ называемую „свѣтскую жизнь“, незнакомую ему раньше, а потому теперь особенно интересную для него. Впрочемъ, эта „свѣтская жизнь“, за которую онъ получалъ много упрековъ отъ своего вполнѣ отдавшагося живописи ограниченнаго товарища Сошенко, заключалась лишь въ посѣщеніи Брюллова, да нѣкоторыхъ его знакомыхъ, въ поѣздкахъ, опять таки съ тѣмъ-же Брюлловымъ, на острова, въ концерты и въ театръ и, наконецъ, въ товарищескихъ попойкахъ въ ресторанахъ.

Матеріальныя средства Шевченко были очень ограничены: онъ получалъ небольшую стипендію, имѣлъ кое-какія работы по живописи на заказъ и только. Не умѣя къ тому-же обращаться съ деньгами, онъ часто жилъ впроголодь, хотя бодрость никогда не покидала его.

Единственное, что омрачало теперь его существованіе въ Петербургѣ, это тоска по родной Украинѣ, къ которой онъ всегда чувствовалъ нѣжную сыновнюю привязанность. Стоялъ-ли онъ передъ картинами Брюллова, котораго онъ ставилъ какъ художника, очень высоко, онъ „задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной дикой степи наднѣпровской, передо мной—писалъ поэтъ—красовалась моя прекрасная бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей... И я задумывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ

этой родной чарующей прелести!...“ Писалъ-ли онъ, поддавшись убѣжденіямъ русскихъ критиковъ, произведеніе на русскомъ языкѣ („Слѣпая“), онъ опять возвращался мыслю къ своей родинѣ и думалъ: „какой чертъ и за какой грѣхъ искусилъ меня исповѣдываться передъ „кацапами“ черствымъ ихъ словомъ!...“ И вотъ, въ 1843 г., окончивъ академію со званіемъ свободнаго художника, поэтъ оставляетъ „чертово болото“, какъ называетъ онъ Петербургъ, и направляется въ Украину, гдѣ онъ надѣется вздохнуть полной грудью, набрать матеріаловъ для затѣяннаго имъ художественнаго изданія „Живописная Украина“ и повидать своихъ сестеръ и братьевъ, которые продолжаютъ, къ глубокому горю поэта, попрежнему носить гнусное ярмо крѣпостничества.

Неизвѣстно, когда собственно Шевченко выѣхалъ изъ С.-Петербурга, но лѣтомъ того же 1843 г. мы застаемъ его въ Яготинѣ, у бывшаго украинскаго генералъ-губернатора князя Рѣпнина, куда поэтъ отправился, чтобы по просьбѣ своего пріятеля Тарновскаго, нарисовать портретъ князя. Здѣсь Шевченко въ теченіе короткаго времени успѣлъ близко сойтись и подружиться съ дочерью Рѣпнина княжною Варварой Николаевной, которая стала „сестрою и воплощенной совѣстью поэта“ и которую Шевченко иначе не называлъ, какъ своимъ „ангеломъ-хранителемъ“. Больше всего „ангелъ-хранитель“ поэта старался уберечь его впослѣдствіи отъ близкаго общенія съ кружкомъ помѣщиковъ, въ среду которыхъ Шевченко попалъ очень скоро вслѣдъ за выѣздомъ изъ Яготина. Кружокъ этотъ, съ которымъ Шевченко познакомился въ Мосѣвкѣ Пирятинскаго уѣзда, носилъ названіе—„общество мочемордія“ („мочить морду“—пьянствовать). Члены общества, смотря по ихъ спеціальнымъ заслугамъ, носили титулы: „мочемордія, высокомочемордія, пьянѣйшества и высокопьянѣйшества“. Возліянія, которымъ предавались „мочеморды“, совершались при извѣстной торжественно-шутовской обстановкѣ и начинались обыкновенно съ возгласа баса, который гудѣлъ: „ромъ! пуншъ! ромъ! пуншъ!“ тенора

подхватывали: „полпиво! полпиво! глинтъ-вейнъ!“ а дисканты въ то же время выкрикивали: „бѣла, красна, сладка водка!“ Такъ вотъ съ этой-то шутовской компаніей судьба столкнула Шевченко на первыхъ же порахъ его пребыванія въ Украинѣ. И поэтъ не только не бѣжалъ отъ „мочемордъ“, но, какъ видно изъ упрековъ, съ которыми не разъ обращалась къ нему княжна Рѣпнина, нѣкоторое время поддерживалъ съ ними, и особенно съ „великимъ магистромъ“ общества Закревскимъ, пріятельскія отношенія. Мы можемъ съ увѣренностью однако сказать, что во всякомъ случаѣ „мочеморды“ остановили на себѣ вниманіе поэта не пошлымъ своимъ времяпрепровожденіемъ, а нѣкоторыми хорошими своими сторонами, которыя выдѣляли ихъ изъ среды помѣщичьяго общества того времени. Во-первыхъ, среди нихъ были лица образованныя и гуманныя, умѣвшія понимать и цѣнить Шевченко какъ поэта; при первой же встрѣчѣ съ поэтомъ въ Мосѣвкѣ они устроили ему даже восторженный пріемъ. Затѣмъ, „мочеморды“ повидимому относились къ своимъ крѣпостнымъ гораздо человѣчнѣе, чѣмъ даже тѣ передовые люди, которыхъ особенно рекомендовала поэту княжна Рѣпнина, противопоставляя ихъ „мочемордамъ“. Къ этой сторонѣ человѣческихъ отношеній Шевченко былъ особенно чутокъ, и мы знаемъ нѣсколько случаевъ столкновеній его съ помѣщиками, которые позволяли себѣ при немъ жестокое обращеніе съ крѣпостными. Однажды, напримѣръ, извѣстный собиратель малороссійскихъ пѣсенъ Лукашевичъ (рекомендованный поэту княжной) въ суровую зиму послалъ своего крѣпостного пѣшкомъ по какому-то пустяшному дѣлу къ Шевченко, который жилъ отъ него верстахъ въ 30-ти, требуя, чтобы тотъ непремѣнно въ тотъ же день вернулся съ отвѣтомъ. Шевченко страшно взволновало такое безчеловѣчное отношеніе къ крѣпостному, и онъ тутъ же написалъ Лукашевичу письмо, въ которомъ выразилъ свое негодованіе и объявилъ о прекращеніи знакомства съ нимъ. „Благородный либералъ“ отвѣтилъ на это, что у него 300 душъ такихъ же олуховъ, какъ Шевченко. Шевченко рыдалъ, разсказывая объ этомъ случаѣ княжнѣ Рѣпниной.

Крѣпостное право было для Шевченко больнымъ и самымъ чувствительнымъ мѣстомъ. Столкнувшись теперь снова лицомъ къ лицу съ тяжелыми, потрясающими картинами рабства, онъ глубоко страдалъ за свою родину и горячо протестовалъ противъ творящагося кругомъ насилія. И могъ-ли иначе относиться къ крѣпостничеству онъ, который въ теченіе 24 лѣтъ самъ на себѣ перечувствовалъ тяжесть крѣпостныхъ цѣпей и который теперь въ ужасномъ сознаніи своего личнаго безсилія, видѣлъ дорогихъ ему людей—сестеръ и братьевъ все въ тѣхъ же ненавистныхъ оковахъ.

Недолго въ этотъ свой пріѣздъ пользовался Шевченко гостепріимствомъ родной Украины, но все же онъ успѣлъ побывать въ мѣстахъ, которыя дороги были душѣ поэта-патріота. Какъ и вездѣ въ Украинѣ, и здѣсь онъ нашелъ мало отраднаго для себя. На Хортицѣ—мѣстѣ пребыванія недавней казацкой свободолюбивой общины—„мудрый нѣмецъ садилъ картофель", а въ Межигорьѣ—главномъ пунктѣ запорожской святыни — существовала фаянсовая фабрика. „Былъ я—писалъ потомъ поэтъ—на Украинѣ, былъ у Межигорскаго Спаса и на Хортицѣ, вездѣ былъ и *вездѣ плакалъ*".

Побывавъ въ 1844 г. въ Петербургѣ и устроивъ тамъ нѣкоторыя личныя свои дѣла, Шевченко въ началѣ 1845 г. вновь возвращается въ Украину въ надеждѣ теперь совершенно обосноваться на родинѣ. По пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ вскорѣ же былъ зачисленъ въ кіевскую комиссію для разбора древнихъ актовъ, въ качествѣ „сотрудника-художника". Этому особенно содѣйствовалъ Кулишъ, у котораго въ Кіевѣ были довольно большія связи и которому очень хотѣлось упрочить положеніе украинскаго поэта въ центрѣ южной культуры, чтобы вмѣстѣ съ нимъ стать во главѣ молодежи, задавшейся цѣлью проповѣдывать среди помѣщиковъ мысль объ освобожденіи народа отъ крѣпостничества, а среди народа распространять просвѣщеніе. На помѣщиковъ молодежь надѣялась вліять при помощи науки и поэзіи, а что касается просвѣщенія народа, то для этой цѣли прежде всего рѣшено было устроить общественную кассу для раздачи стипендій

студентамъ университета. Стипендіаты обязываются, по окончаніи университетскаго курса, служить шесть лѣтъ сельскими учителями, для которыхъ предполагалось выхлопотать вознагражденіе у помѣщиковъ и у казны, дополняя это вознагражденіе, если оно окажется недостаточнымъ, изъ средствъ кассы. Для молодежи, одушевленной такими намѣреніями, Шевченко былъ человѣкомъ желаннымъ; „будто само небо— говоритъ Кулишъ — послало его, и молодежь глядѣла на него, какъ на свѣтильникъ небесный“. Въ это время Шевченко былъ уже самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Украинѣ: печатные экземпляры его произведеній можно было встрѣтить чуть ли не въ каждомъ домѣ, гдѣ находились грамотные; университетскіе студенты всѣхъ народностей списывали каждое новое произведеніе поэта и съ увлеченіемъ читали его; многіе учились украинскому языку спеціально для того, чтобы читать и понимать Шевченко. Самъ Шевченко, который и въ стихахъ и на словахъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ вездѣ и всюду старался раскрыть весь ужасъ крѣпостного состоянія, съ восторгомъ принялъ предложеніе Кулиша. Въ своихъ постоянныхъ поѣздкахъ по Украинѣ, которыя онъ предпринимаетъ, выполняя порученія комиссіи, онъ разсказываетъ о задачахъ новаго общества, при чемъ онъ видимо былъ искренно убѣжденъ въ полной ихъ практической осуществимости. Однако до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о томъ, предприняло-ли что нибудь это общество въ цѣляхъ осуществленія своей программы или же оно увяло въ самомъ началѣ. Что же касается поэтической и художественной дѣятельности Шевченко, то къ этому времени повидимому относится полный разцвѣтъ ея. Шевченко много пишетъ и, по порученію комиссіи, много рисуетъ, разъѣзжая по право и лѣвобережной Малороссіи для изученія и срисовыванія мѣстныхъ историческихъ памятниковъ

Онъ увлеченъ работой, хотя только-что кончилась обидной неудачей его попытка устроить свою личную жизнь. Въ этомъ отношеніи поэту вообще не везло. Имѣя большую склонность къ тихой семейной жизни, кото-

рую онъ рисовалъ въ своихъ стихахъ такими нѣжными штрихами, Шевченко много разъ былъ влюбленъ, много разъ пытался жениться, надѣясь скрасить свою одинокую жизнь, но неудачи систематически преслѣдовали его. На этотъ разъ Шевченко влюбился въ Феодосію Григорьевну, дочь кириловскаго священника Кошицы, у котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ жилъ въ качествѣ батрака. Вотъ это-то обстоятельство и разстроило сватовство, не смотря на то, что Феодосія Григорьевна отвѣчаетъ поэту полной взаимностью и сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ. О. Григорій, замѣтивъ взаимную склонность молодыхъ людей, хотѣлъ устранить бракъ какимъ нибудь безобиднымъ образомъ и пустился для этого на хитрость. Онъ рѣшилъ покумить влюбленныхъ, и вотъ, когда у одного же кириловскаго крестьянина родился ребенокъ, ихъ пригласили крестить. Феодосія Григорьевна, догадавшись однако, въ чемъ дѣло, пригласила кумомъ другое лице и съ нимъ окрестила ребенка не у отца, а у другого мѣстнаго священника, но этимъ дѣла не поправила:—Шевченко все-таки получилъ отказъ. Феодосія Григорьевна, горячо любившая поэта, замужъ потомъ ни за кого не пошла; она много страдала и доведенная, почти до психической болѣзни, скончалась въ 1884 г.

При постоянныхъ перекочевкахъ Шевченко съ мѣста на мѣсто Кіевъ продолжалъ оставаться главнымъ мѣстомъ его пребыванія. И здѣсь-то, въ апрѣлѣ 1846 г., Шевченко познакомился и быстро сошелся съ профессоромъ исторіи Кіевскаго университета Н. И. Костомаровымъ. Костомаровъ, конечно, и раньше былъ знакомъ съ поэтическою дѣятельностью поэта, но теперь, познакомившись съ послѣдними, еще не напечатанными его произведеніями, онъ увидѣлъ, „что муза Шевченко раздирала завѣсу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно и упоительно было заглянуть туда“... Нѣсколькими мѣсяцами раньше Костомаровымъ организовано было тайное Кирилло-Меѳодіевское общество, уставомъ котораго полагалось, что каждое славянское племя должно имѣть свою самостоятельность, свое народное правленіе и

соблюдать полную равноправность гражданъ. Предполагалась общая славянская федерація, съ сохраненіемъ каждымъ племенемъ своей національности. Предполагалось—чтобы всѣ части федерацій имѣли общіе основные законы, мѣры, вѣсъ и монету; намѣчено освобожденіе крестьянъ и просвѣщеніе народа. Отсюда вытекала потребность распространенія федеративной идеи, освобожденія крестьянъ и организаціи школъ. Число членовъ общества къ этому времени доходило до ста. Преданный всей душой задачамъ этого общества, Костомаровъ, вскорѣ-же послѣ знакомства съ Шевченко, поспѣшилъ завербовать его въ члены, тѣмъ болѣе, что вся программа Кирилло-Меѳодіевскаго общества, выражала собою въ сущности мечты и настроенія, очень близкія поэзіи Шевченко. Вступивъ въ члены этой организаціи, Шевченко не бралъ на себя такимъ образомъ никакихъ новыхъ обязательствъ, которыхъ онъ не выполнялъ-бы раньше. Поэтому и въ дѣятельности его теперь мы не находимъ никакихъ перемѣнъ: онъ по прежнему разъѣзжалъ по Малороссіи, срисовывая памятники старины, записывая сказки, преданія и проч. Интересъ текущей работы особенно усиливался въ настоящее время тѣмъ, что ближайшее будущее сулило Шевченко исполненіе его завѣтнѣйшихъ желаній: во первыхъ передъ нимъ стояла возможность получить мѣсто профессора рисованія при кіевскомъ университетѣ со сладкой надеждой впереди добиться преобразованія кафедры въ самостоятельную южно-русскую академію художествъ; во вторыхъ, одна „щирая украинка“, восторженная поклонница поэта, предложила ему, будто-бы „отъ неизвѣстнаго“, все свое состояніе, чтобы доставить ему возможность провести три года въ Италіи для усовершенствованія въ живописи. Въ жизни Шевченко наступилъ ясный солнечный день; поэтъ былъ счастливъ и веселъ и выражалъ свое настроеніе въ пѣсняхъ, въ чарующемъ выполненіи которыхъ художественная натура его проявлялась, по словамъ современниковъ, всего выше и изящнѣе. Но коротокъ былъ солнечный день. Надъ головой Шевченко собиралась гроза, которая, разразившись, разбила

всю послѣдующую его жизнь и погубила расцвѣтшее-было до полнаго блеска его поэтическое дарованіе.

На членовъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества былъ сдѣланъ доносъ, и весною 1847 года нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Шевченко, были арестованы и доставлены въ Петербургъ. Слѣдствіе продолжалось два мѣсяца и обнаружило лишь то, что сообщили сами арестованные, которые тщательно выгораживали поэта, отрицая его участіе въ обществѣ. Однако, хотя, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада шефа жандармовъ, участіе въ обществѣ и не было поставлено въ вину Шевченко, тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ арестованныхъ онъ былъ признанъ „однимъ изъ важныхъ преступниковъ" и понесъ самую суровую кару. Шефъ жандармовъ далъ заключеніе, что „Шевченко сочинялъ стихи на малороссійскомъ языкѣ самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украины, то возглашалъ о славѣ гетманскаго правленія и прежней вольницѣ казачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на особъ Императорскаго дома. Шевченко пріобрѣлъ славу знаменитаго писателя, и потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны".

Глава III.

Подневольная солдатчина. — Въ Оренбургѣ. — Въ Орскѣ. — Экспедиція къ Аральскому морю.—„Мученикъ за вѣру".—Новопетровское укрѣпленіе.—Занятія скульптурой.—„Отраднѣйшій эпизодъ".—Освобожденіе.

„Во вниманіе къ крѣпкому тѣлосложенію Шевченко", онъ приговоренъ былъ къ сдачѣ рядовымъ въ Оренбургскій отдѣльный корпусъ съ воспрещеніемъ писать и рисовать. 9-го іюня—Шевченко былъ доставленъ въ Оренбургъ и зачисленъ рядовымъ въ пятый баталіонъ, расположенный въ Орской крѣпости.

Въ Оренбургѣ Шевченко пробылъ очень недолго, но о проѣздѣ его черезъ городъ все-же успѣли узнать его

земляки и поклонники его таланта. Они прежде всего постарались объ облегченіи горькой участи поэта, причемъ получили обѣщаніе „сдѣлать все, что можно“. Затѣмъ одинъ изъ нихъ навѣстилъ поэта въ казармахъ и уговорилъ его зайти вечеромъ въ гости къ украинцамъ, которые будутъ счастливы видѣть его въ ихъ средѣ. Поэтъ отнесся сначала къ этой неожиданной встрѣчѣ очень сдержанно, но достаточно было нѣсколькихъ искреннихъ словъ участія со стороны его новыхъ знакомцевъ, чтобы сдержанность и недовѣріе уступили мѣсто теплой взаимной привязанности, которая сохранилась затѣмъ навсегда.

Нѣмая пустыня, по которой проходилъ путь Шевченко къ Орской крѣпости, показалась ему раскрытою могилою, готовой похоронить его заживо. „Рѣдко — говоритъ Шевченко — можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность: плоско и плоско“. Самая крѣпость какъ нельзя болѣе гармонировала съ окружающею ее мѣстностью: все то же однообразіе, та-же плоскость, среди которой выдѣляясь лишь церковь, построенная на горѣ.

Оренбургскіе друзья Шевченко съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы и въ Орскѣ облегчить ему существованіе, и дѣйствительно жизнь его тамъ оказалась сноснѣе, чѣмъ можно было ожидать. Офицеры обращались съ нимъ сравнительно хорошо, хотя безправное положеніе поэта, какъ поднадзорнаго солдата, всетаки сказывалось и здѣсь не одинъ разъ. Даже при первомъ представленіи своемъ ротному командиру, пьяному поручику, Шевченко долженъ былъ выслушать угрозу наказанія розгами, если онъ будетъ вести себя дурно. Солдатская наука поэту совершенно не давалась, и въ теченіе десяти лѣтъ своей подневольной службы онъ не успѣлъ изучить ни одного ружейнаго пріема. Шагистика тоже была ему недоступна; болѣе всего недавался ему „тихій учебный шагъ“, при которомъ фигура Шевченко „съ перевальцемъ“ никакъ не могла сохранять равновѣсія, стоя на одной ногѣ. Да и вообще всѣ, кто видѣлъ поэта въ эти годы, утверждаютъ, что неуклюжая фи-

гура его исключала всякую мысль о возможности военной выправки.

„Не постичь мнѣ этой премудрости, хоть ложись да и помирай",—много разъ съ отчаяніемъ говорилъ послѣ ученій несчастный страдалецъ.

Не умѣя дѣлать того, что насильно заставляли его, Шевченко больше всего тяготился однако невозможностью дѣлать то, къ чему влекло его высокое призваніе. Онъ готовъ еще мириться съ запрещеніемъ писать. „Писать запретили — говоритъ онъ: — за сочиненіе возмутительныхъ стихотвореній; а за что запретили рисовать?.." изъ его неоднократныхъ заявленій, которымъ нельзя не вѣрить, вполнѣ опредѣленно явствуетъ, что въ жизнь свою онъ „ничего преступнаго не рисовалъ".

Запрещеніе писать не распространялось, не всегда впрочемъ, на частную переписку Шевченко. Не удерживался онъ и отъ писанія стиховъ и даже отъ рисованія, но все это дѣлалось украдкой, тайкомъ, и часто періоды болѣе или менѣе снисходительнаго отношенія начальства къ нарушеніямъ запрещенія смѣнялись усиленными строгостями, причемъ тогда уже не стѣснялись, даже передъ фронтомъ, выворачивать карманы Шевченко, чтобы высмотрѣть, нѣтъ ли при немъ карандаша, чего нибудь написаннаго или нарисованнаго.

Тяжелыя, непривычныя условія казарменной жизни тяжело отражались и на здоровьѣ Шевченко. Вскорѣ-же по прибытіи въ Орскъ онъ захворалъ ревматизмомъ. Въ виду это-

Т. Г. Шевченко-солдатъ.

го ему сдѣлана была „поблажка“: разрѣшено было перейти изъ казармы на вольную квартиру къ одному уральскому казаку. „Гадкая, но всетаки, по словамъ Шевченко, свободная изба“ дала ему силы бороться съ недугомъ. Онъ началъ-было поправляться, но его поспѣшили опять перевести въ казарму, гдѣ къ ревматизму немедленно-же присоединилась „цынга лютая“, которая заставила поэта задуматься даже о смерти. Причиною поспѣшнаго перевода Шевченко съ вольной квартиры въ казарму послужилъ аллегорическій рисунокъ, который художникъ набросалъ во время своей болѣзни. Рисунокъ воспроизводилъ южно-русскую деревню. На первомъ планѣ стояла убогая хатенка, огороженная высокимъ частоколомъ. Тучи заволакивали голубое небо, но солнечные лучи проглядывали изъ-за тучъ и черезъ щели частокола освѣщали хату. Лицомъ къ частоколу, а спиной къ избѣ стоялъ министръ народнаго просвѣщенія и сѣрою солдатскою шинелью закрывалъ солнечный свѣтъ, не давая ему проникнуть въ хату.

Большимъ облегченіемъ печальныхъ дней поэта служила переписка его съ друзьями. Правда, онъ горько жалуется на многихъ изъ нихъ, которые не скоро вспомнили о немъ. „Прежде,—писалъ онъ одному изъ друзей—бывало на собаку бросъ, такъ попадешь въ друга, а какъ пришлось плохо, такъ Богъ знаетъ, гдѣ они дѣлись! Не поумирали-ли ужъ?.. А если-бы они знали, что одно ласковое слово для меня теперь больше всякой радости!... Такъ что-то недогадливы они“... Постепенно однако друзья Шевченко стали не только утѣшать его „ласковыми словами“, но и присылать книги, въ которыхъ онъ чувствовалъ насущную потребность, и даже краски... Понятна поэтому тревога, охватившая поэта при вѣсти о предстоящей съ весны 1848 г. экспедиціи черезъ степи къ Аральскому морю. Шевченко страшно опасался что и его отправятъ въ эту экспедицію и что онъ годъ, а можетъ быть и три не будетъ имѣть сообщенія съ близкими его сердцу людьми.

Опасенія Шевченко оправдались: онъ былъ зачисленъ въ

экспедицію, но зато на весьма льготныхъ для него условіяхъ. Начальникъ экспедиціи капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ взялъ Шевченко съ собой какъ художника, необходимаго ему для срисовыванія береговъ Аральскаго моря; онъ отнесся къ поэту въ высшей степени гуманно и предоставилъ ему итти отдѣльно отъ роты, въ штатскомъ костюмѣ. Экспедиція выступила изъ Орска 12 мая въ составѣ двухъ ротъ солдатъ, двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ и въ сопровожденіи киргизовъ и громаднаго обоза. Экспедиція направилась въ Раимское укрѣпленіе, откуда часть экспедиціоннаго отряда перешла на двѣ шкуны для описанія Аральскаго моря. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ плаванья Шевченко исключительно занимался срисовываніемъ береговъ. Зимовка была назначена въ Коссъ-Аральскомъ фортѣ, и такъ какъ Бутаковъ отправился на зиму въ Оренбургъ, то Шевченко остался совершенно одинокимъ. Казарменная обстановка, холодъ, мятели, отсутствіе книгъ, а главное писемъ наводили на него тоску.

Среди этой тоскливой обстановки на Косъ-Аралѣ случился одинъ забавный эпизодъ, о которомъ Шевченко такъ разсказываетъ въ своемъ „дневникѣ“: „Въ 1848 г. послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта, на островѣ Коссъ-Аралъ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе казаки, вышли мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкою, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули дѣломъ, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ, да бацъ предо мной на колѣни. „Благословите, говоритъ, батюшка! Мы, говоритъ, уже все знаемъ!“ Я тоже, не будучи дуракъ, смекнулъ, въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный есаулъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась.

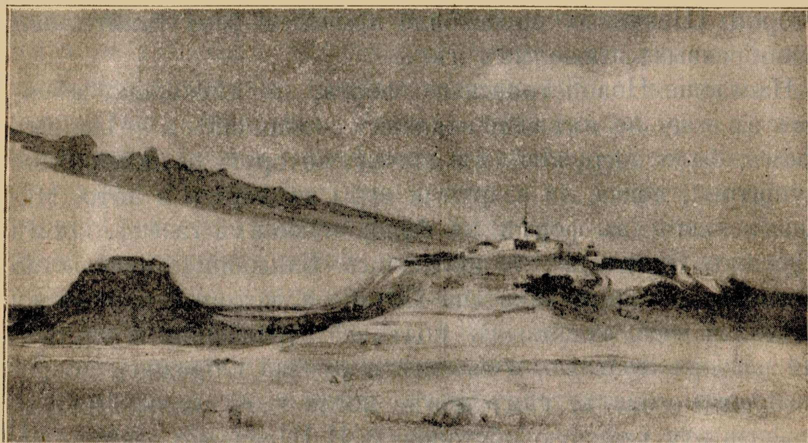
„Вскорѣ послѣ этого, уже сбривши бороду, я отправился въ Раимъ; тутъ Уральцы встрѣтили меня съ затаеннымъ восторгомъ, а отрядный начальникъ предложилъ мнѣ 25 руб-

лей, отъ которыхъ я неблагоразумно отказался и этимъ, по ихъ понятіямъ, безпримѣрнымъ безкорыстіемъ, подвинулъ благочестивую душу старика отговѣться въ табунѣ, въ кибиткѣ, по секрету и, если возможность позволитъ, причаститься отъ такого безпримѣрнаго пастыря, какъ я. Чтобы не нажить себѣ хлопотъ, я скорѣе оставилъ укрѣпленіе и уже аккуратно, два раза въ недѣлю, брилъ себѣ бороду“.

Съ окончаніемъ экспедиціи Бутаковъ взялъ съ собой въ Оренбургъ и Шевченко для окончанія работъ по описанію Аральскаго моря. Шевченко поселился въ домѣ своего пріятеля капитана Герена, пользуясь значительной для своего положенія свободой. Здѣсь онъ возобновилъ переписку со своими старыми друзьями, поддерживалъ живыя сношенія съ новыми, главнымъ образомъ съ украинцами и поляками, которые относились къ нему съ искреннимъ и сердечнымъ расположеніемъ, читалъ, писалъ стихи, рисовалъ, и бодрое настроеніе снова возвратилось къ нему. Солдатомъ онъ былъ здѣсь только номинально, причемъ не стѣснялся даже формой, нерѣдко появляясь среди друзей своихъ въ штатскомъ платьѣ. Главный начальникъ Оренбургскаго края генералъ Обручевъ не могъ, конечно, не знать всего этого, тѣмъ болѣе, что Шевченко былъ приглашенъ даже написать портретъ его супруги. Въ такомъ положеніи Шевченко прожилъ въ Оренбургѣ пять мѣсяцевъ, послѣ чего надъ нимъ неожиданно стряслась новая бѣда. Прапорщикъ Исаевъ, изъ побужденій личной мести, формально донесъ Обручеву, что Шевченко пишетъ, рисуетъ и ходитъ въ штатскомъ платьѣ. Обручевъ, опасаясь, что копія съ доноса могла быть послана въ Петербургъ шефу жандармовъ гр. Орлову, съ которымъ онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ, далъ ходъ доносу и принялъ противъ Шевченко крутыя мѣры. У Шевченко былъ произведенъ обыскъ, послѣ котораго онъ былъ арестованъ и отправленъ по этапу въ Орскъ, гдѣ просидѣлъ въ казематѣ нѣсколько мѣсяцевъ, пока велось слѣдствіе. Хотя слѣдствіе никакихъ преступленій, совершенныхъ Шевченко, не обнаружило, но тѣмъ не менѣе генералъ

Обручевъ приказалъ отправить поэта въ Новопетровское укрѣпленіе [1]) и учредить тамъ за нимъ строжайшій надзоръ, ни подъ какимъ видомъ не позволяя ему нарушать Высочайшаго запрещенія писать и рисовать.

И вотъ, 8-го октября 1850 г., по пути въ новое мѣсто изгнанія, Шевченко доставленъ въ Уральскъ. Здѣсь батальонный штабъ зачислилъ его въ 4-ю роту подъ надзоръ штабсъ-капитана Потапова и отправилъ въ Гурьевъ, откуда уже на лодкѣ черезъ Каспійское море Шевченко переправленъ въ Новопетровскій фортъ.

Новопетровское укрѣпленіе.
Съ оригинальнаго рисунка Т. Г. Шевченко.

„Заброшенное за Каспій, Богомъ забытое", Новопетровское укрѣпленіе во времена Шевченко представляло изъ себя небольшой укрѣпленный пунктъ съ десятью орудіями, расположенный на известковой обрывистой скалѣ Мангышлака, верстахъ въ трехъ отъ Каспійскаго моря. Каменная церковь, комендантскій домъ, гауптвахта съ госпиталемъ, казармы, — все это окрашенное въ однообразный желтый

[1]) Переименовано въ фортъ—Александровскій.

цвѣтъ, — вотъ и вся крѣпость, возлѣ которой, подъ горой, ближе къ морю, ютилось нѣсколько армянскихъ лавокъ съ кабакомъ. Западная часть крѣпости обращена къ морю, а остальныя три были окружены безконечною голою киргизскою степью. „Песокъ да камень — говоритъ Шевченко — хоть бы травка, хоть бы деревцо,—ничего нѣтъ!.. Смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ, просто хоть удавись, да удавиться нечѣмъ!..“ Лѣтомъ — тропическая жара, зимою — стужа, и постоянные, съ ранней осени до поздней весны, холодные сѣверо-восточные вѣтры, угнетающіе нервную систему,—такова была новая и незамкнутая тюрьма, въ которой Шевченко предстояло провести семь томительно-однообразныхъ, тяжелыхъ лѣтъ.

Населеніе Новопетровскаго форта, по нѣсколько мѣсяцевъ въ году не имѣвшее никакихъ сообщеній съ внѣшнимъ міромъ, было погружено въ спячку, которую разнообразили „мунштры“, водка, да азартныя игры въ карты и лото. Никакихъ книгъ въ фортѣ не было, никакихъ газетъ, кромѣ „Русскаго Инвалида“, не получалось. Ближайшее начальство Шевченко, въ лицѣ капитана Потапова, который прямо таки издѣвался надъ отданнымъ подъ его стражайшій и неусыпный надзоръ поэтомъ, и въ лицѣ поручика Обрядина, обкрадывавшаго солдатъ, тѣмъ менѣе могло хоть сколько-нибудь скрасить эту ужасную обстановку. И Шевченко затихъ, замеръ въ фортѣ. Онъ не писалъ стиховъ, не рисовалъ, не писалъ писемъ и весь превратился въ „безжизненнаго флегму“. Старые друзья поэта также не присылали ему вѣстей, и Шевченко, не зная настоящей причины ихъ молчанія, сильно грустилъ о томъ, что, „ближніе мои далече мене сташа“.

А между тѣмъ наиболѣе расположенные къ нему люди замолкли не совсѣмъ добровольно, а подъ угрозами всесильнаго въ то время графа Орлова. Старшаго пріятеля Шевченко—Лизогуба графъ на словахъ постращалъ „непріятными послѣдствіями“, а княжнѣ Рѣпниной, въ отвѣтъ на ея горячую мольбу „не прибавлять къ наказанію Шевченко утон-

ченную жестокость, запрещая ему рисовать“, графъ Орловъ далъ строгое внушенiе не принимать въ Шевченкѣ участiе, „неприличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ“ и вообще „на будущее время меньше вмѣшиваться въ дѣла Малороссiи (?), въ противномъ случаѣ княжна сама будетъ причиною непрiятныхъ послѣдствiй“.

Съ перемѣнами въ административныхъ сферахъ оренбургскаго края, когда вмѣсто Обручева былъ назначенъ Перовскiй, а въ Новопетровскомъ укрѣпленiи Потапова смѣнилъ Косаревъ, положенiе Шевченко нѣсколько поправилось. Онъ получилъ возможность переписываться съ друзьями, получать отъ нихъ деньги и книги и освободился отъ черныхъ и тяжелыхъ работъ, на которыя его раньше назначали неукоснительно. Когда-же весною 1853 г. комендантомъ форта былъ назначенъ Усковъ, то поэтъ въ семьѣ этого послѣдняго нашелъ кромѣ того и доброе, сердечное къ себѣ отношенiе. Поэтъ нѣсколько ожилъ и къ этому времени относится новое его увлеченiе, въ которомъ онъ нашелъ исходъ своей неудовлетворенной потребности къ творческой дѣятельности. Онъ занялся скульптурой. Сначала возникъ было вопросъ, можно-ли разрѣшить ему занятiе скульптурой, разъ существуетъ запрещенiе рисовать и писать. Усковъ разрѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, и Шевченко сдѣлалъ въ Новопетровскѣ не мало лѣпныхъ работъ. Осенью того же года Шевченко предложилъ Ускову разбить въ лишенномъ растительности фортѣ садъ, который прекрасно принялся и до нынѣ связанъ съ именемъ поэта. Избранное имъ для сада мѣсто, было уже раньше украшено вербой, происхожденiе которой Шевченко описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, какъ „отраднѣйшiй эпизодъ“, такими словами: „Въ 1850 г., когда меня препровождали изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленiе, въ Гурьевѣ я на улицѣ поднялъ свѣжую вербовую палку, привезъ ее въ укрѣпленiе и на гарнизонномъ огородѣ воткнулъ ее въ землю, да и забылъ про нее; весною уже огородникъ напомнилъ мнѣ, что палка моя растетъ. Она дѣйствительно

пустила ростки; я ну ее поливать, а она рости, и въ настоящее время она будетъ вершковъ шесть толщины въ діаметрѣ и по крайней мѣрѣ сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды не мало вылилъ,—зато теперь, въ свободное время и съ позволенія фельдфебеля, жуирую себѣ въ ея густой тѣни. Нынѣшнее лѣто думаю нарисовать ее, разумѣется, втихомолку... Вотъ вамъ одинъ, единственный отрадный эпизодъ изъ моей монотонной безотрадной жизни".

Здѣсь-же въ саду поэтъ соорудилъ землянку, аршина на два надъ землей, будто-бы для коменданта. Лѣтомъ онъ проводилъ въ ней свои досуги и могъ никѣмъ не соглядаемый рисовать и писать, причемъ здѣсь именно, не рѣшаясь пользоваться языкомъ Украины, онъ написалъ всѣ свои повѣсти на русскомъ языкѣ. Если къ перечисленнымъ отраднымъ минутамъ въ жизни Шевченко прибавить случайную встрѣчу его съ пріѣхавшимъ для ученыхъ изысканій молодымъ украинцемъ Н. Я. Данилевскимъ, который, по признанію поэта, прямо-таки вскружилъ ему голову своими личными достоинствами, да знакомство съ уральскимъ казакомъ, художникомъ-циллетантомъ и поэтомъ Н. Ѳ. Савичевымъ [1]), черезъ котораго затѣмъ Шевченко поддерживалъ сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ друзей, то мы перечислимъ все, что такъ или иначе поддерживало въ несчастномъ изгнанникѣ бодрость и отрывало его отъ тусклой и пошлой атмосферы форта, наполненной интригами, оскорбленіями картами и пьянствомъ.

Здоровье Шевченко сильно разстроилось въ этой обстановкѣ. Молодость ушла безвозвратно, — а надежды на освобожденіе рушились одна за другой. Даже два манифеста о всеобщей амнистіи (1855—1856 г.) не коснулись поэта и только послѣ восьмимѣсячныхъ энергичныхъ хлопотъ вице-президента академіи художествъ графа Ѳ. П. Толстого, его супруги

---

[1]) Въ Новопетровскомъ укрѣпленіи стояла уральская казачья команда, въ которой Н. Ѳ. Савичевъ и служилъ.

и другихъ лицъ, въ апрѣлѣ 1857 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Шевченко. Но „быстро и горячо — пишетъ онъ въ запискахъ — исполняется приказаніе арестовать; напротивъ, вяло и холодно исполняется приказаніе—освободить“,—только 2-го августа удалось поэту выбраться изъ Новопетровска.

Глава IV.

„Недоразумѣніе“ и остановка въ Н.-Новгородѣ. — Подготовка къ столичной жизни.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Общественныя отношенія и дѣловая жизнь.—Поѣздка въ Украину.—Новое „недоразумѣніе“.—Попытки устроить личную жизнь.—Просвѣтительная дѣятельность.—Болѣзнь и смерть.—Погребеніе.—Общая характеристика Шевченко.

Черезъ Астрахань на пароходѣ отправился освобожденный узникъ вверхъ по Волгѣ, наслаждаясь природой и искреннимъ участіемъ со стороны встрѣчающихся ему по пути поклонниковъ его таланта. Все шло благополучно до Н.-Новгорода, но здѣсь Шевченко неожиданно объявляютъ, что по распоряженію начальства онъ долженъ быть арестованъ и немедленно возвращенъ въ Оренбургъ, гдѣ и „долженъ имѣть мѣсто жительства впредь до окончательнаго увольненія его на родину“; въѣздъ въ столицы былъ ему безусловно воспрещенъ. Нечего и говорить, что случай этотъ страшно взволновалъ поэта. Къ счастью, нижегородская администрація вошла въ его положеніе и, подъ предлогомъ какой-то продолжительной болѣзни, предоставила ему жить въ Н.-Новгородѣ, въ ожиданіи разъясненія печальнаго недоразумѣнія. Снова начались хлопоты, въ которыхъ особенно дѣятельное участіе приняла его новая заступница графиня Толстая. А Шевченко, не теряя времени, старался между тѣмъ использовать свой досугъ съ наибольшею пользою. Въ письмѣ къ графинѣ Толстой онъ говоритъ, что ему „необходимо было какого нибудь перепутья между Сѣверною Пальмирою и киргизскою степью, — иначе я появился бы къ вамъ настоящимъ киргизомъ. Въ продолженіе 10 лѣтъ я ничего не читалъ.

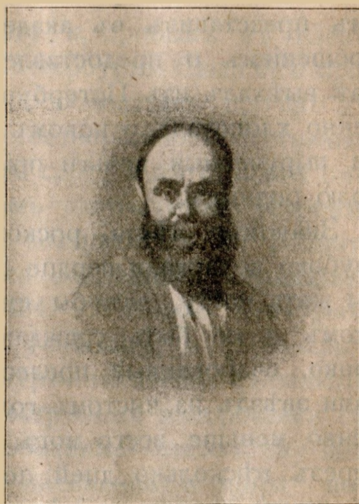
Вотъ вы и представьте себѣ, какимъ темнымъ простакомъ явился-бы я въ общество людей просвѣщенныхъ. Теперь книгъ у меня много, и я читаю запоемъ". Невольная остановка въ Нижнемъ огорчала поэта больше всего потому, что здѣсь ему недоставало старыхъ друзей. Правда, нижегородцы относились къ знаменитому поэту-страдальцу какъ нельзя лучше, но все это было не то,—тутъ не было связи съ прошлымъ, молодымъ, хорошимъ прошлымъ, отъ котораго поэтъ былъ оторванъ десятью годами тяжелыхъ лишеній. Жажда видѣть старыхъ друзей была такъ сильна въ немъ, что кратковременный пріѣздъ къ нему въ Нижній М. С. Щепкина онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ какъ „праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ".

Быть можетъ, эти нѣсколько дней, посвященныхъ дружбѣ, пробудили въ Шевченко неудовлетворенную потребность личной жизни, но вскорѣ послѣ отъѣзда Щепкина онъ полюбилъ. На этотъ разъ предметомъ его увлеченія была молодая актриса Піунова; онъ сдѣлалъ ей предложеніе, но сочувствія не встрѣтилъ. Между тѣмъ, въ это-же время въ въ Петербургѣ былъ разрѣшенъ вопросъ о правѣ его на возвращеніе въ столицу: ему дозволено было жить въ Петербургѣ подъ надзоромъ полиціи и посѣщать классы академіи подъ руководствомъ графа Ф. П. Толстого.

Сборы Шевченко были, конечно, не долги. Остановившись на двѣ недѣли въ Москвѣ, повидавшись съ друзьями и перезнакомившись тамъ съ лучшими писателями, которые отнеслись къ нему очень радушно, Шевченко 27 марта 1858 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему, какъ поднадзорному, прежде всего пришлось представиться своимъ „опекунамъ", причемъ старый знакомый его и землякъ, правитель канцеляріи оберъ-полицеймейстера, рѣшительно посовѣтовалъ сбрить отрощенную имъ бороду, „чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія на оберъ-полицеймейстера". Снявшись предварительно въ бородѣ, Шевченко принужденъ былъ исполнить этотъ „совѣтъ".

Короткими визитами къ „главному своему надзирателю"

и къ шефу жандармовъ закончились всѣ его оффиціальныя отношенія. Міръ неоффиціальныхъ отношеній Шевченко, съ первыхъ-же дней его пребыванія въ Петербургѣ, расширился до громадныхъ размѣровъ, и поэтъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ опасенія, какъ-бы ему не сдѣлаться „модной фигурой“ въ столицѣ. Лучшіе люди столицы наперерывъ спѣшили выразить поэту уваженіе къ его таланту, сочувствіе перенесеннымъ имъ страданіямъ, и кругъ знакомыхъ его настолько разросся, что у него рѣшительно не хватало ни времени, ни возможности откликаться на всѣ, обращаемыя къ нему дружескія приглашенія на вечера и обѣды.

Т. Г. Шевченко,
по возвращеніи изъ ссылки.

Эти общественныя отношенія, слагавшіяся помимо воли Шевченко, съ одной стороны, а съ другой — разстроенное здоровье и разбитые нервы не могли, разумѣется содѣйствовать успѣшности той работы, ради которой собственно онъ и явился въ Петербургъ. А нервы поэта были разбиты въ немалой степени, и часто волненіе его доходило до того, что онъ совершенно не владѣлъ собой. Я. П. Полонскій разсказываетъ одинъ случай, очень характерный для настроенія, въ какомъ тогда находился Шевченко. „Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, о своихъ родныхъ, находившихся еще въ крѣпостномъ состояніи, Щевченко скрежеталъ зубами, плакалъ, наконецъ, взвизгнувъ, такъ хватилъ кулакомъ по столу, что чашки съ чаемъ слетѣли на полъ и разбились въ дребезги. Я—прибавляетъ Полонскій—не могъ въ эту минуту утѣшить его, да и не хотѣлъ, такъ какъ вполнѣ раздѣлялъ ненависть его ко вся-

кому рабству". Тѣмъ не менѣе Шевченко крѣпился и, поселившись въ академіи, усердно принялся загравированіе, разсчитывая потомъ, года черезъ два, возвратиться въ Украину и тамъ заняться изданіемъ для народа дешевыхъ гравюръ, которымъ онъ придавалъ большое образовательное значеніе.

Къ родной Украинѣ всегда и всюду стремились всѣ помыслы Шевченко, и теперь, надломленный страданіями, уставшій, онъ мечталъ о тихомъ уголкѣ на берегу Днѣпра, гдѣ онъ могъ бы спокойно и мирно отдаться работѣ въ цѣляхъ просвѣщенія родного народа. Вь началѣ апрѣля 1859 г. онъ представилъ въ академію свои граверныя работы съ прошеніемъ о предоставленіи ему званія академика, а въ маѣ выѣхалъ изъ Петербурга. Въ это же время онъ усиленно хлопоталъ о новомъ изданіи „Кобзаря", разсчитывая на вырученныя деньги пріобрѣсти усадьбу и выкупить на волю родныхъ.

Знакомыя мѣста, роскошныя картины южной природы глубоко волновали сердце Шевченко. „Какъ хорошо былобы жить поэту, если-бы ему можно было быть только поэтомъ и не быть гражданиномъ"—сказалъ какъ-то Шевченко, очарованный прелестью украинской ночи съ миріадами звѣздъ на чистомъ голубомъ небѣ. Но, конечно, Шевченко меньше всего могъ считать себя *только* поэтомъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенной фразы онъ, въ кругу своихъ закрѣпощенныхъ родныхъ, испытываетъ тяжелыя страданія, наблюдая все тѣ-же неизмѣнившіяся отъ времени „неволю, бѣдность и скорьбь"...

Не успѣлъ нашъ поэтъ оглядѣться на старыхъ мѣстахъ, какъ надъ нимъ неожиданно стряслась новая бѣда: его арестовали и какъ „боготступника" отправили подъ конвоемъ въ Кіевъ. Настоящая причина этого ареста до послѣдняго времени оставалась невыясненной, но, какъ оказывается теперь, на Шевченко былъ сдѣланъ доносъ, будто бы онъ въ спорѣ на богословскія темы позволилъ себѣ публично кощунствовать и богохульствовать. Уѣздная полиція, которой уже дано было предписаніе о „неослабномъ надзорѣ" за ря-

довымъ Шевченко, воспользовалась случаемъ блеснуть передъ начальствомъ своей бдительностью и, не провѣривъ доноса, арестовала поэта. Кіевскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, нарядивъ надъ „богоотступникомъ“ слѣдствіе, которое обнаружило полную неосновательность обвиненія, велѣлъ дѣло прекратить и, отпуская мнимаго преступника, посовѣтовалъ ему поскорѣе возвратиться въ Петербургъ.—„Тамъ—сказалъ кн. Васильчиковъ—люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться за счетъ ближняго“.

Шевченко послѣдовалъ совѣту и, пробывъ въ Кіевѣ около двухъ недѣль, уѣхалъ въ Петербургъ. Сюда онъ прибылъ однако не для того, чтобы обосноваться прочно въ столицѣ. Нѣтъ, Украина, такъ негостепріимно встрѣтившая поэта, попрежнему влекла его къ себѣ, и въ столицѣ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ окончательно устроить свои личныя дѣла и тогда снова возвратиться на родину. Прежде всего надо было добиться разрѣшенія переиздать „Кобзаря“, на которомъ еще съ 1847 г. лежало цензурное запрещеніе. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ, и „Кобзарь“, хотя и сильно урѣзанный въ цензурѣ, наконецъ, въ январѣ 1860 г. вышелъ въ свѣтъ и былъ встрѣченъ малороссами съ восторгомъ. Не только люди образованные—писалъ ему изъ Полтавы Кулишъ—„а всяка душа письменна и щира“ носится съ „Кобзаремъ“ какъ съ драгоцѣнностью; его учатъ на память, да чуть-ли не по „Кобзарю“ и Богу молятся. Русская критика, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, на этотъ разъ тоже сочувственно отнеслась къ пѣвцу Украины, уже ничуть не оспаривая его право говорить на родномъ языкѣ. Съ этой стороны дѣла поэта, стало-быть, наладились. Но „слава мнѣ не помогаетъ“—съ горечью говорилъ Шевченко, продолжающій и въ это время жить на бивакахъ въ чужомъ городѣ, гдѣ все-таки, среди расположенныхъ къ нему друзей, онъ не находилъ человѣка, который „подперъ-бы его старыя плечи“. „Я съ ума сойду на чужбинѣ въ одиночествѣ“—пишетъ онъ своему свояку Варѳоломею Шевченко,

настойчиво заставляя его какъ можно скорѣе выбрать и купить для него усадьбу, и непремѣнно такую, чтобы „Днипро бувъ биля порога“.. Но, несмотря на постоянныя напоминанія, несмотря на всевозможныя уступки поэта, поиски подходящаго для усадьбы клочка на Днѣпрѣ шли туго, то и дѣло наталкиваясь на разныя неожиданныя препятствія. Не менѣе неудачно шло и сватовство поэта; теперь онъ очевидно ищетъ себѣ не подругу жизни, а хотя-бы только добрую хозяйку, которая согласилась-бы раздѣлить съ нимъ его одиночество. Начинаетъ онъ свое сватовство съ Харитины—крѣпостной дѣвушки, служившей по найму у того-же Варѳоломея Шевченко. Вспомнивъ о ней въ Петербургѣ, онъ пишетъ Варѳоломею письмо съ просьбою сосватать ему Харитину. Варѳоломей отговариваетъ его и предлагаетъ ему сосватать какую-то образованную барышню. „Твои разсужденія хороши—отвѣчаетъ ему на это поэтъ:—но ты забылъ, что я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего бездольнаго народа. Да и что въ моей мужичьей хатѣ будетъ дѣлать та „одукована“ панночка? Сама съ тоски погибнетъ и мнѣ жизни поубавитъ... Мать вездѣ мать: если она искренна и умна, то и дѣтей воспитаетъ хорошо, а если она и „одукована“, но безъ толку, безъ сердца, то и дѣти выростутъ, „якъ те ледащо въ шынку“. Варѳоломей сдался, но и это сватовство успѣха не имѣло...

Нѣсколько удачнѣе, хотя и далеко не въ такой степени, какъ этого хотѣлъ самъ поэтъ, оказались его хлопоты по дѣлу освобожденія изъ крѣпостной зависимости родныхъ сестеръ и братьевъ. Лично онъ долженъ былъ сознать свое безсиліе въ осуществленіи этой завѣтной мечты своей, и вотъ онъ обращается къ обществу. Въ журналѣ „Народное Чтеніе“ онъ помѣщаетъ, въ видѣ письма въ редакцію, коротенькую автобіографическую замѣтку, которая заканчивается такими словами: „И что-же я купилъ у судьбы своими усиліями не погибнуть?—Едва-ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ

мнѣ было тяжко вспоминать въ этомъ письмѣ, до сихъ поръ крѣпостные. Да, м. г., они крѣпостные до сихъ поръ!“ Письмо это сдѣлало свое дѣло: на положеніе родныхъ Шевченко было обращено вниманіе, и „Общество для пособія нуждающимся литераторамъ“ вошло въ переговоры съ Флерковскимъ, во владѣніи котораго находились „души“ Шевченко, объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Въ результатѣ переговоровъ „души“ были освобождены за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія манифеста 19 февраля, но безъ земельнаго надѣла, чего именно больше всего и опасался поэтъ.

Но всѣ эти личныя хлопоты, огорченія и неудачи не могли отвлечь дѣятельной натуры Шевченко отъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя онъ считалъ самымъ существеннымъ дѣломъ своей жизни. Забота о просвѣщеніи родного народа, забота, побудившая его раньше сдѣлаться членомъ тайнаго общества, организованнаго Кулишемъ, а затѣмъ вступить въ составъ Кирилло-Меѳодійскаго братства, волнуетъ его и теперь съ тою-же силой, какъ десять лѣтъ тому назадъ, до ссылки. Только теперь, наканунѣ освобожденія крестьянскаго населенія, надо было спѣшить и дать выходящему изъ-подъ помѣщичьей указки народу хоть что нибудь, что помогло-бы ему укрѣпиться въ самостоятельной, руководимой собственнымъ умомъ, жизни. Въ Малороссіи, какъ и въ центральной Россіи, въ эту пору молодежь съ горячимъ увлеченіемъ отдавалась насажденію въ народѣ грамотности: во многихъ мѣстахъ открывались школы и воскресные классы. Но на родинѣ Шевченко эта культурная работа сильно тормозилась отсутствіемъ учебниковъ и даже букварей, приспособленныхъ для школъ. Вотъ этой то насущной нуждѣ и пошелъ теперь на встрѣчу поэтъ. Прежде всего онъ составилъ и издалъ для украинскаго народа дешевый „Букварь“; затѣмъ имъ намѣчена была цѣлая серія учебниковъ на малорусскомъ-же языкѣ: ариѳметика, географія, исторія Украины и т. п. „Если—писалъ онъ въ это время—Богъ поможетъ сдѣлать это малое дѣло, то большое само собою совершится“.

Рядомъ съ заботами о начальномъ образованіи народа Шевченко не упускалъ изъ вида интересовъ и потребностей читателей, уже подготовленныхъ. Еще въ собраніяхъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества онъ настойчиво твердилъ о необходимости издавать журналъ. Теперь, послѣ ссылки, онъ настаиваетъ на томъ-же, и сплоченный возлѣ него въ Петербургѣ кружокъ малороссовъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи издавать ежемѣсячный журналъ „Хату“. Ходатайство это было отклонено шефомъ жандармовъ, но черезъ годъ кружку удалось всетаки добиться разрѣшенія на изданіе журнала „Основа“, подъ редакціей В. М. Бѣлозерскаго. Канунъ 1861 года „основьяне“ встрѣчали у редактора журнала, празднуя въ то-же время выходъ первой книжки, которая уже печаталась, но „первоначальникъ общаго дѣла“ не принималъ участія въ торжествѣ, прикованный болѣзнью къ постелѣ. Годы изгнанія сильно разстроили здоровье поэта; въ столицѣ болѣзнь обыстрилась и теперь смерть вѣрными и быстрыми шагами приближалась къ Шевченко. Однако и на смертномъ одрѣ онъ продолжалъ попрежнему чутко прислушиваться къ крупнымъ общественнымъ явленіямъ и всѣмъ существомъ своимъ отзываться на нихъ. Больше всего, конечно, интересовался онъ въ послѣдніе дни своей многострадальной жизни дѣломъ освобожденія крестьянъ. Предполагалось, что манифестъ будетъ объявленъ 19-го февраля; когда въ этотъ день зашелъ къ Шевченко одинъ изъ его друзей, больной, вмѣсто всякаго привѣтствія, спросилъ его:

— Что, есть? есть воля? манифестъ объявленъ? и, взглянувъ въ глаза своего гостя, понялъ отвѣтъ. Глубоко вздохнувши, онъ еще разъ спросилъ: „такъ нѣтъ?“—Нѣтъ.— „Когда-же она будетъ?“ закрывъ лицо руками, онъ упалъ на диванъ и зарыдалъ.

Утромъ 26-го февраля 1861 года Тараса Григорьевича Шевченко не стало.

Великаго пѣвца Украины похоронили сначала въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. Но тогда-же друзья поэта возбудили ходатайство о разрѣшеніи перевезти тѣло покой-

наго въ Украину, причемъ основаніемъ для этого выставлялось собственное желаніе поэта „умерты на Днипри, хочь на малесенкій гори“, желаніе, выраженное имъ даже въ особомъ поэтическомъ „Заповитѣ“:

„Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли,
Середъ степу шырокого,
На Вкраини мылій;
Щобъ ланы шырокополи,
И Днипро, и кручи
Булы выдни, було чуты,
Якъ реве ревучый...“

Въ апрѣлѣ получено было разрѣшеніе, и 26-го того-же мѣсяца гробъ поэта вынули изъ могилы, вложили въ цинковый и поставили на рессорныя дроги. Когда всѣ приготовленія къ отъѣзду были сдѣланы, къ дрогамъ подошелъ Кулишъ. „Что-же это ты, батьку Тарасе,—сказалъ онъ—отъѣзжаешь въ Украину „безъ червонои кытайкы—заслугы козацькои“? Ни одинъ свободный предокъ твой не сходилъ въ могилу безъ этой послѣдней чести... Покройте-же, господа, печальный черный гробъ славнымъ краснымъ цвѣтомъ!“

Прахъ усопшаго похороненъ на берегу Днѣпра, на крутой и высокой Чернечей горѣ, близъ Канева, на томъ самомъ мѣстѣ, которое Варѳоломей Шевченко заарендовалъ было уже подъ усадьбу для поэта.

Этимъ однако не закончилось еще „погребеніе“ Шевченко: „доносъ“, преслѣдовавшій его при жизни, перешелъ и на могилу поэта. Устройство могилы потребовало продолжительнаго времени, но прежде, чѣмъ оно было доведено до конца, кіевскому генералъ-губернатору донесли, что послѣдователи Шевченко устроили заговоръ противъ помѣщиковъ, что могила является пунктомъ собраній заговорщиковъ и что въ самой могилѣ, вмѣсто Шевченко, зарытъ сундукъ ножей. Доносъ надѣлалъ много шума; два мѣсяца тянулось слѣдствіе, создавшее „дѣло“ изъ 108 листовъ исписанной бумаги, и, конечно, кончилось ничѣмъ.

———

Произведенія поэта.

Глава I.

Общее содержаніе произведеній Шевченко.—Герои казачества XVI и XVII вв.—Состояніе Малороссии въ срединѣ XVIII в.—Гайдамаки.—Итоги гайдамачины.—Практическая потребность въ историческомъ знаніи.—Общественныя противорѣчія.—Шевченко и Некрасовъ.

Въ широкихъ рамкахъ поэтическаго творчества Шевченко свободно умѣстилась вся жизнь малорусскаго народа. „У моій хатыни—говоритъ самъ поэтъ—якъ въ степу безкраимъ

Козацство гуляе, байракъ гомоныть,
У моій хатыни сыне море грае,
Могыла сумуе, тополя шумыть,
Тыхесенько „Грыця“ дивчына спивае... “

Въ первыхъ-же своихъ произведеніяхъ, которыя, какъ мы сказали уже, зароились въ сознаніи Шевченко на зарѣ его освобожденія, онъ съ особенной любовью и вниманіемъ останавливается на тѣхъ вспышкахъ народнаго гнѣва, которыя, при всей ихъ дикости, говорили о томъ, что и подъ вѣковымъ гнетомъ рабства и безправія все-же оставалась жива душа казацкая; что подавленнный и приниженный казакъ все-же оставался свободнымъ, независимымъ и гордымъ, потому что въ глубинѣ своего сердца онъ чувствовалъ, „що неба достане, колы полетыть.“ И вотъ поэтъ, только что почувствовавшій въ себѣ великую творческую силу, вдохновляется отдаленнымъ прошлымъ своего народа и воспѣваетъ героевъ казачества XVI-го и XVII вѣковъ.

Було колысь—въ Украини
Ревилы гарматы;
Було колысь—Запорожци
Вмилы пануваты...

Такъ начинаетъ поэтъ одну изъ первыхъ-же своихъ поэмъ и вслѣдъ за этимъ вводитъ насъ съ свою историческую портретную галлерею. Здѣсь мы встрѣчаемся съ

авантюристомъ XVI вѣка Иваномъ Подковой, который, выдавая себя за брата молдаванскаго господаря, ведетъ запорожцевъ въ „гости“ къ турецкому султану въ Цареградъ. Напоминаетъ намъ поэтъ о Наливайкѣ и о Тарасѣ Трясилѣ, которые оставили по себѣ въ исторіи кровавые слѣды грозною местью ляхамъ за „бѣдную, ими стоптанную Украину,“ о „завзятомъ атаманѣ Гамаліи“ и о многихъ другихъ герояхъ казацкой вольности.

Вспоминая этихъ „лыцарей“, эти моменты душевнаго подъема, Шевчено надѣялся, что, можетъ быть, на этихъ картинахъ, полныхъ оживленія и страсти, „хочъ трохы спочыне“ его сердце, утомленное болью за печальную судьбу южно-русскаго народа. Но сердце „спочыть“ не могло:—каждый разъ сила въ концѣ концовъ оказывалась не на сторонѣ казацкой удали, и въ окончательномъ итогѣ всѣхъ этихъ народныхъ возмущеній широкая степь Украины покрывалась все новыми и новыми памятниками непосильной борьбы—могилами.

Высокіи ти могилы
Чорніють, якъ горы,
Та про волю нышкомъ въ поли
Зъ витрами говорять.

И чѣмъ болѣе накоплялось въ степи этихъ могилъ, тѣмъ болѣе „нышкомъ“ могли онѣ говорить съ вѣтромъ про волю, потому что къ началу XVIII-го вѣка воля была уже окончательно упразднена въ Малороссіи. Богатая и вліятельная шляхта, а за ней и казацкая старшина, къ этому времени успѣли прибрать къ цѣпкимъ рукамъ своимъ и роскошныя земли Украины, и лѣса, и рѣки и даже свободу человѣка. Войско казацкое таяло быстро, какъ вешній снѣгъ; казаки исчезали цѣлыми массами, поражая современниковъ таинственностью своего исчезновенія. Казалось, какъ будто страшное моровое повѣтріе овладѣло Украиной, и смерть частыми взмахами гигантской косы своей направо и налѣво рубитъ вокругъ себя буйныя казацкія головы. Но повѣтрія не было, и не смерть разстраивала сильные когда-то ряды

казачества,—оно исчезало и таяло, загоняемое нуждою и царящимъ вокругъ произволомъ въ имѣнія богатыхъ хищниковъ, которые умѣли чарами своего богатства, своего вліянія и своей политической силы превращать вчерашняго вольнаго казака въ сегодняшняго холопа. Страшное это было время! Въ помѣстьяхъ богатыхъ пановъ томились въ неволѣ люди, вчера еще не чувствовавшіе никакихъ путъ на ногахъ своихъ. Господствовавшее право, которое представляло изъ себя какую-то нелѣпую смѣсь изъ литовскаго статута, магдебургскаго законодательства, „саксонскаго порядка“ и, наконецъ, изъ „указовъ государевыхъ“, съ головой отдавало бѣдняка во власть богатаго, и рѣзко дѣлило все населеніе на „станъ шляхетскій“, которому позволялось все, развѣ только кромѣ честнаго труда, и на „простой станъ“, которому не позволялось ничего. Не удивительно поэтому, что люди простого стана, „умиравшіе—по словамъ современника—съ голода въ благословенной плодородіемъ странѣ“, не мирились съ этимъ положеніемъ и почти безъ перерыва, подъ общимъ именемъ *гайдамаковъ*, въ теченіе десятилѣтій смущали налаженный силою порядокъ потоками проливавшейся ими шляхетской, еврейской и, конечно, своей собственной крови. Но гайдамацкія вспышки, несмотря на всю ихъ бурную страстность, не различавшую въ стихійномъ теченіи мстительнаго чувства ни пола, ни возраста, производили мало впечатлѣнія; онѣ были слишкомъ обособлены, слишкомъ пріурочены каждый разъ къ опредѣленному району, чтобы государство могло имъ придавать серьезное значеніе. Гайдамаковъ вѣшали, сажали на колъ, чертвертовали, а потомъ для острастки разсылали отдѣльныя части тѣла по городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ на кольяхъ и выставляли ихъ на всенародное позорище, и только. О томъ, что эти частныя проявленія народнаго негодованія являлись симптомомъ общаго настроенія народныхъ массъ, никто, повидимому, и не думалъ. А между тѣмъ дѣло было именно такъ. Достаточно было самаго ничтожнаго повода, чтобъ отдѣльныя искры частныхъ мятежныхъ вспышекъ гайдамачины разрослись въ

широкій костеръ, яркимъ пламенемъ освѣтившій всю Малороссію, а затѣмъ, въ видѣ пугачевщины, и всю Россію...

Но здѣсь, заполнивъ нѣсколькими словами промежутокъ, отдѣляющій исторію казацкихъ движеній XVII вѣка отъ колліивщины 1768 г., мы предоставляемъ слово самому Шевченко, тѣмъ болѣе что на его поэму „Гайдамакы", возсоздающую эту послѣднюю вспышку казацкаго свободолюбія, ссылаются даже историки этой эпохи. „Разсказъ его (Шевченко)—говоритъ Д. Л. Мордовцевъ, авторъ „Гайдамачины" *)—становится историческимъ документомъ. Онъ является такимъ при сличеніи его съ опубликованными впослѣдствіи оффиціальными документами и хрониками того времени. При томъ-же все то, что сказалъ Шевченко въ своей поэмѣ объ уманской рѣзнѣ, не прочитавъ до этого ничего печатнаго, положительно подтверждается документами, изданными послѣ выхода въ свѣтъ его поэмы и не противорѣчитъ имъ".

Часть конфедератовъ (барскихъ), сошедшихся во имя освобожденія Польши отъ русскаго вліянія, вломилась въ корчму еврея, глумясь надъ нимъ и требуя отъ него денегъ. Еврей, который, кстати сказать, стоялъ по „правамъ" того времени (мы не смѣемъ сказать—„по праву"), хотя и ниже шляхты, но, юридически и фактически, головой выше „голоты", въ которую превратилась въ то время почти вся казацкая вольница, не даетъ конфедератамъ собственныхъ „грошей", но спасая свою шкуру, шепчетъ имъ что въ Вилшанѣ,

„У костели... у тытаря...
А дочко Оксана!
Ховай, Боже! якъ панночка!
Що-то за хороше!
А червинцивъ! хочь не его,
Такъ що?—абы грошы"...

---

*) См. „Гайдамачина. Историч. монографія Д. Мордовцева". СПб. 1885 г., стр. 147.

У тытаря (ктитора) конфедераты („бодай не дывытысь, бодай не казаты!“), опьяненные еврейскимъ виномъ, дошли до неистовства: цѣлымъ рядомъ пытокъ (побоями, горячей смолой, угольями) они старались дознаться — „де грошы“. Старикъ не выдержалъ пытокъ, — онъ умеръ, и это, по существу своему случайное, происшествіе послужило для раздраженнаго народа сигналомъ общей кровавой рѣзни.

Чуть-чуть что ни цѣлое столѣтіе отдѣляетъ поэта Шевченко отъ этой рѣзни, но, описывая ее, поэтъ не можетъ не стать на сторону порабощеннаго и теперь поголовно возставшаго казачества. Рѣчь его пышетъ страстью и гнѣвомъ, и весь онъ на сторонѣ вынужденной кровавой расправы. Вотъ, напримѣръ, какъ передаетъ онъ слово священника, благословляющаго гайдамаковъ на страшный подвигъ:

„Пожаръ не гасне, люде мруть,
Канаютъ въ тюрьмахъ, голи, боси...
Диты нехрещени ростуть,
Козацьки диты; а дивчата!...
Земли козацькои краса,
У ляха вьяне, якъ першъ маты,
И непокрытая коса
Стыдомъ сичеться; кари очи
Въ неволи гаснуть; росковать
Козакъ сестру свою не хоче,
Самъ не соромыться канать
Въ ярми у ляха... Горе, горе!
Молитесь диты! страшный судъ
Ляхы въ Украину несуть—
И зарыдаютъ чорни горы!...“

Вы видите, что все сочувствіе Шевченко на сторонѣ этого страстнаго воззванія къ борьбѣ, въ которой приняло участіе теперь все населеніе. Въ селахъ Украины остались

Диты та собакы:—
Жинкы навитъ зъ рогачамы
Пишлы въ гайдамакы.

Возсталъ народъ, и, какъ истинный сынъ его, Шевченко

съ громаднымъ интересомъ и сочувствіемъ, слѣдитъ за всѣми подробностями борьбы, въ которой уже нѣтъ пощады ни мужчинѣ, ни женщинѣ, ни слабому, ни малому.

Стогнуть, плачуть; одынъ просыть,
Другый проклынае;
Той молыться, сповидае
Грихы передъ братомъ,
Уже вбытымъ. Не мылують,
Карають завзяти.
Якъ смерть люта, не вважають
На лита, на вроду:
Шляхтяночкы й жыдивочкы
Тече кровъ у воду.
Ни калика, а ни старый,
Ни мала дитына
Не осталысь,—не вблагалы
Лыхои годыны...

Останавливаясь на фигурахъ двухъ главныхъ дѣятелей колліивщины—Максимѣ Желязнѣкѣ (Зализнякѣ) и Гонтѣ Шевченко весь этотъ страшный пожаръ, воспламенившій Украину, образно рисуетъ какъ слѣдствіе того, что Гонта съ Зализнякомъ „люлькы закурылы,—страшно, страшно закурылы! И въ пекли не вміють оттакъ курыть“.

Желѣзнякъ былъ душою и коноводомъ возстанія. Поступивъ въ монастырь и готовясь принять уже иноческій чинъ онъ всей своей страстной душой откликнулся на возникшее помимо него народное движеніе и тотчасъ-же сталъ во главѣ возстанія. Гонта, не менѣе Желѣзняка популярный главарь колліивщины, былъ человѣкомъ иного склада. Выдающійся по своему образованію, онъ занималъ видное положеніе даже среди польскаго шляхетства, но въ критическую минуту измѣнилъ этому послѣднему и всей силой своей огромной воли отдался народному движенію. Со словъ современниковъ возстанія Шевченко передаетъ глубоко драматическую картину убіенія Гонтою своихъ сыновей, обращенныхъ матерью въ католичество и учившихся въ бази-

ліанской школѣ въ Умани. „Мои диты католыкы"!—говоритъ Гонта, обращаясь въ Умани къ гайдамакамъ послѣ того, какъ захваченный съ его сыновьями ксендзъ съ злорадствомъ подчеркнулъ католичество своихъ воспитанниковъ:

„Мои диты католыкы ...
Щобъ не було зрады,
Щобъ не було поговору,
Панове громада...
Я присягавъ, бравъ свяченый
Ризать католыка"...

Взволнованный предстоящимъ ему страшнымъ дѣломъ, Гонта не договариваетъ своей рѣчи къ собравшейся громадѣ. Онъ обращается къ дѣтямъ со словами, въ которыхъ чувствуется напряженная борьба между любовью къ нимъ и сознаніемъ долга.

„Поцилуйте мене, диты,
Бо я не я вбываю,
А присяга"...
Махнувъ ножемъ—
И дитей не мае!

Принеся эту кровавую жертву дѣлу народной борьбы, Гонта, вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ, „пишлы вдовжъ базару и обыдва закрычалы: „кары ляхамъ, кары!"

И каралы: страшно-страшно
Умань запалала.

Только поздно ночью, когда гайдамаки, опьяненные успѣхомъ своего жестокаго дѣла, въ которомъ въ теченіе сутокъ съ небольшимъ погибло до 20.000 человѣкъ, стали пировать, Гонта могъ свободно отдаться своему отцовскому чувству. Разыскавъ своихъ дѣтей между грудами убитыхъ, онъ, крадучись, вынесъ ихъ за городъ и похоронилъ. „Сыны мои, сыны мои!"—горько плакалъ Гонта:

„На ту Украину
Подывиться: вы за неи
Й я за неи гыну.

Смѣлой кистью набросана эта удивительно яркая и силь-

ная картина народнаго возстанія, причемъ поэтъ, какъ удостовѣряетъ знатокъ этой эпохи профессоръ Антоновичъ, прекрасно понялъ взаимныя отношенія трехъ дѣйствовавшихъ въ то время на исторической аренѣ группъ населенія—крестьянства, шляхетства и евреевъ. „Дворянство представлено въ поэмѣ всесильнымъ сословіемъ, не умѣющимъ полагать ограниченія своей власти, свевольнымъ, не уважающимъ личности. Евреи кланяются шляхтѣ, но презираютъ ее съ полной увѣренностью, что они умнѣе. Крестьянскій типъ лучше всего оттѣненъ авторомъ, какъ родной, на сторонѣ котораго была поруганная правда".

Вполнѣ понятно и законно то святое чувство гнѣва, которое заставило поэта отдать всѣ свои симпатіи, всю свою пламенную любовь возмутившемуся противъ рабскаго гнета народу. Но это глубокое проникновеніе народнымъ настроеніемъ не закрываетъ ему глаза на ужасъ, который во всякомъ случаѣ должна внушать наблюдателю братоубійственная война. „Оттаке-то—говоритъ онъ—було лыхо по всій Украини!—гирше пекла!.. А за вищо?

За що люде гынуть?
Того-жъ батька, таки-жъ диты,—
Жыты-бъ та брататься,
Ни, не вмилы, не хотилы,
Треба розъеднаться!
Треба крови, брата крови,
Бо заздро, що въ брата
Йе въ комори и на двори,
И весело въ хати!

Но вотъ кончилась и эта послѣдняя вспышка малорусскаго народа, и степь, точно также какъ и послѣ прежнихъ освободительныхъ войнъ казачества, засинѣла множествомъ новыхъ высокихъ могилъ...

Та що съ того, що высоки?

съ грустью спрашиваетъ поэтъ, замѣчая, какъ слава казацкая, память погибшихъ героевъ, постепенно забывается въ народѣ. Никто не плачетъ теперь надъ этими курганами,

въ которыхъ покоятся кости погибшихъ борцовъ, и только вѣтеръ тихонько повѣетъ надъ ними, да роса раннимъ утромъ омоетъ ихъ мелкими слезами.

Посіялы гайдамакы
Въ Украини жыто,
Та не воны его жалы,—
Що мусымъ робыты?
Нема правды, не выросла,
Крывда повивае.
Розійшлыся гайдамакы,
Куды якый знае...
А тымъ часомъ стародавню
Сичъ разруйновалы:
Хто на Кубань, хто за Дунай;
Тилько и осталысь,
Що порогы середъ степу,
Ревуть, завываютъ:
„Поховалы дитей нашыхъ,
И насъ розрываютъ".
Ревуть соби й ревитымуть—
Ихъ люде мынулы;
А Украина на викы,
На викы заснула.

Все замолкло—говоритъ поэтъ дальше и смиренно прибавляетъ при этомъ: „нехай мовчыть: — така Божа воля".

Въ характерѣ Шевченко было однако слишкомъ много жизнедѣятельности и энергіи, чтобы онъ могъ дѣйствительно примириться съ этимъ мертвымъ безнадежнымъ молчаніемъ родной Украины. Нѣтъ, вся дальнѣйшая поэтическая дѣятельность Шевченко противорѣчитъ этому смиренному восклицанію, вырвавшемуся подъ вліяніемъ случайнаго настроенія и даже несогласному съ характеромъ всей поэмы, которую оно завершаетъ. „Нехай *не* мовчыть Украина!" Пусть о тяжелыхъ мукахъ ея во имя свободы заговорятъ языкомъ страсти и гнѣва даже эти многочисленныя высокія могилы, въ которыхъ похоронена казацкая воля! И поэтъ много разъ

потомъ возвращается мыслью къ „начиненнымъ благороднымъ трупомъ“ могиламъ; онъ вскрываетъ ихъ и показываетъ, какъ спитъ, какъ будто сповитая, воля „въ-купи съ козакамы“.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ стихотвореній поэтъ разсказываетъ сонъ.—Снится ему, что онъ, еще малый ребенокъ, пасетъ ягнятъ у высокой могилы; но вотъ могила раскрывается, и вышедшій оттуда старый казакъ подводитъ его къ краю ея. Смотри — говоритъ ему старикъ — здѣсь все казаки. „На всій Украини высоки могылы; дывыся, дытыно, уси ти могылы—уси оттаки.

Уси мы однако на воли жылы;
Уси мы однако за волю лягглы;
Уси мы и встанемъ; та Богъ его знае;
Колы то те буде“.

Опасенія, какъ-бы не замолкла Украина, какъ-бы не „полягла“ ея слава, купленная цѣною крови ея дѣтей, заставляютъ Шевченко не только самого возвращаться къ этой больной темѣ, но просить о томъ-же и другихъ. Въ этомъ смыслѣ большой интересъ представляетъ его воззваніе къ современному ему малороссійскому писателю Квиткѣ-Основьяненко, котораго онъ трогательными словами уговариваетъ почаще касаться родныхъ мотивовъ. „Тебе люде поважають“ — пишетъ Шевченко Квиткѣ: ты „добрый голосъ маешъ“, такъ,

Спивай-же имъ, мій голубе,
Про Сичъ, про могылы,
Колы яку насыпалы,
Кого положылы;
Про старыну, про те дыво,
Що було, мынуло...
Утны, батьку, щобъ нехотя
На весь свитъ почулы,
Що діялось въ Украини,
За що погибала,
За що слава козацькая
На всимъ свити стала!

Въ извѣстномъ „Дружеемъ посланіи до мертвыхъ и живыхъ и ненарожденныхъ землякивъ, въ Украини и не въ Украини сущыхъ“, Шевченко снова возвращается къ той-же мысли. „У насъ—говоритъ онъ—воля выростала, Днѣпромъ и кровью умывалась, спала она на казацкихъ трупахъ“.

Подывиться лышень добре,
Прочытайте знову
Тую славу, та читайте
Одъ слова до слова;
Не мынайте а ни тытлы,
Ниже тыи комы;
Все розберить, та й спытайте
Тоди соби: що мы?
Чіи сыны? якыхъ батькивъ?

Вы видите, что въ этомъ посланіи, написанномъ поэтомъ въ 1845 г., т. е. послѣ вторичной поѣздки на родину, когда міровоззрѣніе его значительно расширилось и мысль его усиленно работала надъ основными вопросами современной ему дѣйствительности, Шевченко такъ страстно дорожитъ минувшей „славой“ по очень опредѣленнымъ причинамъ. Воспоминанія о героическихъ моментахъ прошедшей жизни Малороссіи прельщаютъ его теперь не тѣмъ, что на нихъ можетъ отдохнуть наболѣвшее сердце, какъ онъ мечталъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣтъ, твердое знаніе вообще исторической жизни родины, а героическихъ ея моментовъ въ особенности, необходимо для того, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ современной дѣйствительности; это знаніе необходимо для того,

Щобъ несоннымъ снылысь
Вси неправды, щобъ роскрылысь
Высоки могылы
Передъ вашымы очыма,
Щобъ вы роспыталы
Мученыкивъ: кого, колы
Й за що роспыналы?...

Это знаніе поэту казалось тѣмъ болѣе настоятельнымъ что теперь, послѣ вѣковой борьбы и мученичества,

Доборолась Украина
До самого краю:
Гирше ката свои диты
Іи роспынають...

По глубокому убѣжденію Шевченко, дальше тѣхъ крайностей, до которыхъ въ его время дошло крѣпостничество, идти было некуда. Необходимо, чтобъ рабовладѣльцы немедленно-же и круто, и притомъ по доброй своей волѣ, порвали ненавистное народу ярмо, потому что иначе народъ самъ, какъ это было не разъ въ исторіи Малороссіи, возьмется за ножъ, чтобы собственными средствами возвратить себѣ попранныя человѣческія права. Не шутите съ исторіей, которую хорошо помнитъ южно-русскій народъ, говорилъ поэтъ, обращаясь къ панамъ: знайте что казацкіе идеалы свободы и равноправности живы въ народѣ.

Схаменыться! будьте люде,
Бо лыхо вамъ буде:
Розкуються незабаромъ
Заковани люде;
Настане судъ, заговорять
И Днипро, и горы,
И потече сторикамы
Кровъ у сыне море
Дитей вашыхъ; и не буде
Кому помогаты,—
Одцураеться братъ брата
И дытыны маты,
И дымъ хмарою заступыть
Сонце передъ вамы,
И на-викы проклынетесь
Своимы сынамы!

Никто до Шевченко не говорилъ такимъ пламеннымъ языкомъ; никто до него не проникалъ такъ глубоко въ самое святое-святыхъ южно-русской души. Шевченко съ своими

произведеніями явился для современниковъ—какъ передаетъ свои личныя впечатлѣнія Кулишъ—„какимъ то откровеніемъ свыше... Сіяніе духа Шевченковыхъ произведеній было чѣмъ-то сверхъестественнымъ... Это былъ уже не кобзарь, а національный пророкъ".

Противорѣчія, какія Шевченко замѣчаетъ въ современномъ ему общественномъ строѣ, становятся постоянной темой его стихотвореній. Богачи, покупающіе молодую силу казака и разлучающіе его съ любимой дѣвушкой, которую во время его вынужденнаго отсутствія родители насильно могутъ выдать замужъ за другого („Хустына"); бѣдный батракъ, надъ которымъ измывается еврей-корчмарь, дающій ему сразу десятки порученій и съ ругательствомъ заставляющій его спѣшить исполнить ихъ („Гайдамакы"); погубленная солдатомъ малорусская дѣвушка („Катерына"), трогательная судьба которой вырываетъ изъ устъ поэта наивное обращеніе къ землячкамъ:

Кохайтеся, чорнобрыви,
Та не зъ москалямы,
Бо москали—чужи люде,
Роблять лыхо съ вамы...

Даетъ поэтъ нѣсколько иллюстрацій, характеризующихъ злополучную судьбу незаконнорожденныхъ и особенно ихъ матерей — „покрытокъ", которыхъ ничто не спасаетъ отъ позора.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ опозоренная помѣщикомъ дѣвушка („Видьма") своею святою жизнью, отданною страждущимъ, искупила невольный грѣхъ; много сама она перемучилась и перестрадала изъ-за своего несчастнаго увлеченія, но...

Люде горди, неправедни,
Своимъ судомъ судять.

Подвиги ея милосердія, проявленія ея самопожертвованія у всѣхъ передъ глазами, ее любили и знали

А все такы покрыткою
И видьмою звалы.

Тому-же вопросу о злосчастной судьбѣ матери-дѣвушки посвящена большая поэма „Наймычка“ и много другихъ стихотвореній.

Изъ всѣхъ однако соціальныхъ противорѣчій больше всего возмущаетъ поэта крѣпостное право, ужасы котораго у него постоянно передъ глазами. Къ крѣпостному праву онъ то и дѣло возвращается и не устаетъ клеймить его, потому что

Де нема святои воли,
Не буде тамъ добра николы.

„Если-бы—говоритъ онъ—разсказать исторію-правду о какомъ нибудь одномъ магнатѣ, то самый адъ можно-бы привести въ ужасъ, а старика—Данта можно привести въ изумленіе однимъ нашимъ „полупанкомъ“. „На праведній Твоій земли—взываетъ Шевченко къ Богу, вспомнивъ нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ крѣпостничество:—

Мы въ раи пекло розвелы,
А въ Тебе другого благаемъ!

Сила, съ какою Шевченко бичевалъ крѣпостничество, касаясь всѣхъ сторонъ безправной жизни крѣпостныхъ, количество посвященныхъ этой ужасной болячкѣ нашего государственнаго организма стихотвореній, ставятъ украин-

скаго поэта въ ряды наиболѣе энергичныхъ и передовыхъ дѣятелей дореформеннаго періода, дружными усиліями которыхъ подготовленъ былъ знаменательный для Россіи день—19 февраля 1861 года.

Сравнивая неустанныя обличенія крѣпостного права, какія принадлежатъ украинскому поэту съ тѣмъ, что за тѣ-же годы (1845—1855) произвелъ Некрасовъ, извѣстный историкъ крестьянскаго вопроса Семевскій говоритъ, что Шевченко надо отдать преимущество „и по количеству и по качеству произведеній, затрогивающихъ крестьянскій вопросъ".

Не даромъ, стало-быть, малорусскій народъ характеризуетъ своего любимаго поэта простыми словами: *„это тотъ, кто про волю пишетъ"*

Глава II.

Поэтическое изображеніе общечеловѣческихъ настроеній.—Простота и сила стиховъ Шевченко.—Декоративныя украшенія.—Грусть и гнѣвъ, какъ основные мотивы музы Шевченко.—Лирическія отступленія.—Любовь къ родинѣ.—Сліяніе содержанія съ формой.

Въ той-же поэмѣ, въ которой могучей волной пѣнится и кипитъ возмущенное невыносимымъ гнетомъ чувство малорусскаго народа, Шевченко рисуетъ и мирныя картины деревенской жизни. Въ трагедію народной мести вкрапленъ романъ двухъ любящихъ сердецъ.

Ярема и Оксана любятъ другъ друга. Но Ярема—простой батракъ, который только сейчасъ почувствовалъ за плечами своими мощныя крылья гайдамацкаго героя, а Оксана—деревенская аристократка—титаривна. Это разстояніе, отдѣляющее „жидивскаго попыхача" отъ титаривны, представляется Яремѣ непроходимой бездной и даетъ ему поводъ не совсѣмъ довѣрять чувствамъ своей возлюбленной, которая, замѣшкавшись возлѣ прихворнувшаго отца, опаздываетъ на свиданіе. Въ тщетномъ ожиданіи Оксаны бродитъ огорченный Ярема по долинѣ, не обращая вниманія ни на роскошь южнаго вечера, ни на трели соловья.

„На що мени врода,
Колы нема доли, нема талану?
Лита молодыи марно пропадуть.
Одынъ я на свити, безъ роду, безъ доли
Стеблына-былына на чужому поли;
Стеблыну-былыну витры рознесуть,
Такъ и мене люде не знають де диты.
За що-жъ одцуралысь?—що я сырота.
Одно було серце, одно на симъ свити,
Одна душа щыра, та, бачу, що й та,
Що й та одцуралась“....

Пока Ярема, воображая себѣ навсегда покинутымъ и одинокимъ, предается своимъ грустнымъ размышленіямъ,

Шелесть!... колы гляне:
По-пидъ гаемъ, мовъ ласочка,
Крадеться Оксана,
Забувъ... Побигъ... Обнялыся...
„Серце!“—та й зомлылы.
Довго, довго тилько—„серце!“
Та й знову нимилы...

Бесѣда влюбленной парочки очень несложна, но въ ней чувствуется искренній непосредственный голосъ сердца, облеченный въ музыку звучнаго стиха. Къ тому-же поэтъ, какъ бы оберегая и героя и героиню своего романа отъ нескромнаго слуха посторонняго наблюдателя, не особенно щедро разсказываетъ подробности свиданія, которое было для влюбленныхъ послѣднимъ передъ долгой разлукой. Онъ предпочитаетъ, чтобы влюбленные разошлись такъ-же, какъ и сошлись—

Тыхесенько, гарнесенько,
Щобъ никто не бачывъ—
Ни дивочи дрибни слезы,
Ни щири козачи.

Но при всей осторожной скромности поэта читатель невольно и сразу проникается настроеніемъ его героевъ. Происходитъ какое-то волшебное сліяніе душъ — чудо, которое

поэтъ совершаетъ передъ вашими глазами при помощи очень простыхъ пріемовъ.

Вотъ онъ вводитъ васъ въ разговоръ влюбленныхъ:

„Серце мое, доле моя!
„Соколе мій мылый!
„Мій...“

Такими ласкательными именами закидываетъ Оксана Ярему; тотъ отвѣчаетъ ей, вѣроятно, не менѣе ласковыми, но и не менѣе обычными восклицаніями. Дѣло житейское, всѣмъ намъ извѣстное. Впрочемъ, мы даже и не знаемъ точно, что именно отвѣчаетъ Оксанѣ Ярема, такъ какъ поэтъ круто обрываетъ разговоръ влюбленныхъ и неожиданно заканчиваетъ сцену такими словами:

......Ажъ вербы нагыналысь
Слухать таку мову.
Отто мова!

Шепотъ любви — это таинственный голосъ природы, и, призвавъ на помощь природу, поэтъ двумя словами не только характеризовалъ намъ настроеніе своихъ героевъ, но и насъ самихъ заразилъ этимъ настроеніемъ.

„Вербы нагыналысь!“ Природа поддалась обаянію чарующей силы непосредственнаго чувства, о которомъ вдали отъ людей шепчутъ чистыя любящія сердца.

Съ тою-же сердечною простотою, которая совершенно подчиняетъ читателя настроенію поэта и его героевъ, изображаетъ Шевченко и всѣ другія движенія, если такъ можно выразиться, общечеловѣческой души.

Ярема пошелъ въ гайдамаки, а въ это время конфедераты убили титаря и увели съ собой Оксану, соблазнившись ея красотой и молодостью. Наши герои разлучены, и вотъ какъ выражаетъ каждый изъ нихъ свое горе.

Оксана, вырванная изъ рукъ ляховъ, которые, конечно, успѣли надругаться надъ ней, пробуждается, послѣ нѣсколькихъ дней безсознательнаго состоянія, въ домѣ старухи, гдѣ ее на время пріютили. Оксана разсказываетъ старухѣ о себѣ и о своихъ несчастьяхъ:

Я сырота зъ Вильшанои,
Сырота, бабусю.
Батька ляхы замучылы,
А мене... боюся,
Боюсь згадать, моя сыза...
Узялы съ собою.
Не роспытуй, бабусенько,
Що було зо мною...

Сколько горя, робкаго, женскаго горя, сколько приниженной стыдливости чувствуется въ этихъ немногихъ поэтическихъ строкахъ,—въ этихъ ласкательныхъ названіяхъ („бабусенька“, „моя сыза“), обращенныхъ къ совершенно незнакомой старухѣ,—въ этой просьбѣ не распрашивать про ея позоръ!...

Совсѣмъ въ иныя формы вылилось горе въ душѣ Яремы, когда онъ узналъ о похищеніи Оксаны. Мстительное чувство за поруганную свободу, которое заставило его разлучиться съ Оксаной и толкнуло въ ряды гайдамаковъ, теперь вспыхиваетъ въ немъ яркимъ пламенемъ безумнаго ожесточенія. Онъ молчитъ о своемъ личномъ горѣ, скрывая его отъ посторонних, и творитъ лютую казнь надъ врагами.

Улицы и базары покрываются трупами; уставшіе гайдамаки мечтаютъ объ отдыхѣ, но Ярема неутомимъ въ своей злобѣ:

„Мало клятымъ кары!
Ще разъ треба перемучыть,
Щобъ не повставалы
Нехрещени, кляти души!“

И только на прямой вопросъ, поставленный атаманомъ, Ярема въ двухъ словахъ передаетъ такъ печально закончившуюся исторію своей любви. Но тутъ-же онъ добавляетъ, обращаясь къ атаману:

......„Батьку! брате!
Чомъ я не сторукый?
Дайте ножа, дайте сылу,
Мукы ляхамъ, мукы!
Мукы страшнои, щобъ пекло
Тряслося та млило.“

Простое, „немудрое“ слово, какимъ Шевченко пользуется для передачи простыхъ, „немудрыхъ“-же человѣческихъ настроеній, чувствъ и страстей, находится несомнѣнно въ тѣсной связи и съ тѣми простыми, „немудрыми“, декоративными украшеніями, которыя поэтъ заимствуетъ у небогатой красочными эффектами мягкой южно-русской природы.

Синее море, широкій Днѣпръ, степь, могилы, калина, тополь, яворъ, верба, барвинокъ—вотъ и вся почти декоративная обстановка, въ которой живутъ и дѣйствуютъ герои Шевченко. И надо было любить человѣка такъ, какъ любилъ его Шевченко, надо было понимать природу такъ, какъ онъ понималъ ее, чтобы съ такими внѣшними данными съумѣть овладѣть сердцемъ, читателя до полнаго подчиненія его своему настроенію.

Собственно говоря, Шевченко нигдѣ не даетъ самостоятельныхъ картинъ природы, не рисуетъ пейзажей; онъ пользуется внѣшней обстановкой только для того лишь, чтобы при ея помощи яснѣе опредѣлить душевное состояніе человѣка, свое собственное или своихъ героевъ. Широкій Днѣпръ реветъ и стонетъ, когда на крутомъ берегу его происходитъ послѣднее дѣйствіе сердечной драмы („Прычынна“), но онъ-же, при другомъ настроеніи поэта, легко принимаетъ и иной видъ. Посмотрите, напримѣръ, какъ онъ

Неначе въ молоци дитына,
Красуеться, любуеться
На всю Украину.

Червона калына, тополя, яворъ и проч. играютъ такую-же вспомогательную роль въ произведеніяхъ поэта; если-же онъ изрѣдка и даетъ отдѣльныя, какъ будто-бы совершенно самостоятельныя картинки природы, то и эти послѣднія каждый разъ можно вполнѣ опредѣленно и точно пріурочить не только къ извѣстному душевному состоянію поэта, но даже къ извѣстному случаю, вызвавшему это состояніе. Вотъ, для образца, одно изъ такихъ стихотвореній:

Барвинокъ цвивъ и зеленивъ,
Стлався, розстилався,—
Та недосвитъ передъ свитомъ
Въ садочокъ укрався.
Потоптавъ весели квиты,
Побывъ, поморозывъ...
Шкода того барвиночка
Й недосвита шкода!...

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ поэтъ передаетъ, какъ показываетъ и дата стихотворенія (14-го сентября 1860 г.), печальную исторію одного своего сватовства, закончившагося острой размолвкой между нимъ и его молодой невѣстой. Причиной размолвки послужилъ, повидимому, цѣлый рядъ сплетень и наговоровъ („недосвитъ") самихъ-же друзей Шевченко.

Трагическая судьба поэта, и печальная исторія горячо любимой имъ родины не могли, конечно, внушить ему радостныхъ мотивовъ. Гнѣвъ и грусть—вотъ основныя настроенія музы Шевченко, которыя красной нитью проходятъ черезъ всѣ его произведенія. Но грусть эта, по справедливому замѣчанію Добролюбова,—„спокойная грусть, не похожая ни на безплодную тоску нашихъ романическихъ героевъ, ни на горькое отчаяніе, заливаемое часто разгуломъ". Въ прелестномъ стихотвореніи „До сестры" поэтъ, пользуясь все тѣми-же скромными декоративными матеріалами окружающей природы, просто, но ярко изображаетъ это постоянно присущее ему настроеніе:

Не пытай ты моихъ писень,
Сестро моя мыла!

Цуръ ёму! Воны сумни,
Мовъ тая могыла.
Нащо слухать якъ на хрести
Пугачъ завывае,
Колы въ саду соловейко
Весело спивае?...
Намъ зъ тобою, моя сестро,
Не ходыты въ пари,—
Твое сонце свитыть ясно,
Мое—давно въ хмари...

Лирическія стихотворенія поэта почти всѣ посвящены выраженію этого настроенія, которымъ проникнуты только что приведенныя строки. Но не удовлетворяясь этимъ, Шевченко, для того чтобы дать волю накопившемуся чувству, дѣлаетъ рядъ отступленій и во всѣхъ своихъ крупныхъ произведеніяхъ, которыя представляютъ изъ себя нѣчто среднее между поэмой и типической малороссійской „думкой“. Эти отступленія очень характерны для украинскаго поэта и являются всегда драгоцѣнными перлами искренняго чувства, вставленными въ золотую оправу основной темы.

Разсказывая о старомъ слѣпомъ кобзарѣ, поющемъ свои лучшія пѣсни въ степи, на могилѣ, вдали отъ людей, Шевченко прерываетъ разсказъ, чтобы отъ своего имени высказать пѣвцу полное одобреніе.

Описывая трогательную судьбу дѣвушки, не выдержавшей томительной неизвѣстности о своемъ возлюбленномъ, поэтъ выступаетъ съ вопросомъ,—заслужена-ли несчастной жестокая кара?

Чы вынна жъ голубка, що голубя любыть?
Чы вcase?

Злосчастная исторія покрытки—Катерины опять вызываетъ его на размышленіе:

Оттаке-то на симъ свити
Роблять людямъ люде!
Того вьяжуть, того рижуть,
Той самъ себе губыть...

А за вищо? Святый знае!
Свитъ, бачться, шырокый,
Та нема де прыхылытысь
Въ свити одынокымъ...

По поводу горькой доли Яремы въ еврейской корчмѣ поэтъ снова спѣшитъ вставить свое обобщающее слово:

Лыхо, люде, всюды лыхо.
Нигде прыгорнуться:
Куды, каже, хылыть доля,
Туды й треба гнуться,—
Гнуться мовчки, усмихаться,
Щобъ люде не зналы,
Що на серци захована...

Такихъ лирическихъ вставокъ въ произведеніяхъ поэта много, и всѣмъ имъ присуща одна общая черта: въ нихъ отчетливо раскрываются причины владѣющаго поэтомъ грустнаго настроенія,—глубокая и дѣятельная любовь къ родинѣ и страстная жажда помочь ей залечить ея тяжкія раны. Поэтъ пишетъ „кровью сердца своего". „Згадаю що, чи що побачу", разсказываетъ самъ онъ о тайнахъ своего творчества:

То такъ утну, що ажъ заплачу,
И нибы самъ перелечу

Хочъ на годыну на Вкраину;
На неи гляну, подывлюсь,
И мовъ добро кому зроблю,—
Такъ любо серце одпочыне.

Эта исключительная жизнь сердца, эта дѣятельная любовь къ родинѣ такимъ животворнымъ ключемъ бьетъ изъ всѣхъ произведеній Шевченко, что мы затрудняемся кого либо изъ поэтовъ поставить въ этомъ отношеніи съ нимъ рядомъ. Достаточно сказать, что его единственная молитва, въ которой онъ проситъ *за себя лично,* это молитва о томъ, чтобы не остыло его сердце! Дай мнѣ Боже, долю—молитъ онъ: если жаль доброй, то дай злой, самой злой, но только

Не дай спаты ходячому,
Серцемъ замираты
И гнылою колодою
По свиту валятысь...
Страшно впасты у кайданы,
Умирать въ неволи;
А ще гирше—спаты, спаты,
И спаты на воли.

Характеризуя произведенія Шевченко, мы старались по возможности вездѣ говорить его-же собственными подлинными словами. Держаться иной системы было-бы совершенно нецѣлесообразно, хотя и теперь конечно, мы очень далеки отъ того, чтобы нашъ очеркъ могъ дать сколько нибудь удовлетворительное представленіе о произведеніяхъ великаго украинскаго поэта.

Характеризовать произведенія писателя, разбирать ихъ— значитъ отвлечь ихъ содержаніе отъ формы. А въ томъ-то и заключается оригинальная сила поэтическаго дарованія Шевченко, въ томъ то и счастье для читателя и несчастье для критика, что содержаніе его стиховъ и ихъ форма слиты такой прочной спайкой, разрушить которую невозможно.

Пѣсня Шевченко—это живое трепетаніе его сердца.

Выньте изъ груди сердце, чтобы изучить его трепетъ, оно перестанетъ жить, перестанетъ биться. Остается одно:—

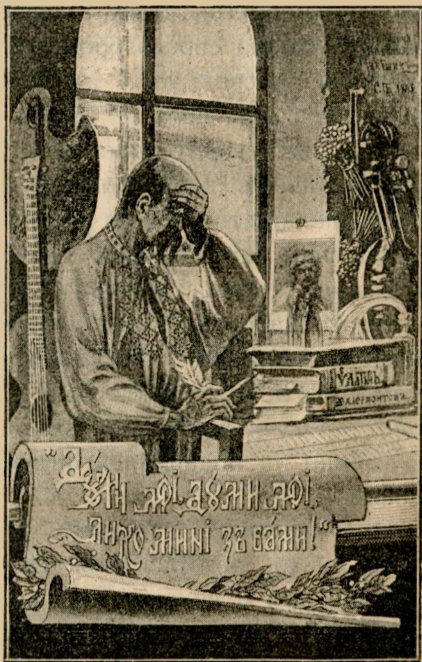
самому приложить руку къ груди поэта, остается самому читателю взять въ руки „Кобзаря“, и тогда только можно ясно почувствовать, какое тамъ пламенное, какое благородное сердце бьется любовью къ Украинѣ.

Глава III.

Общіе итоги.

Подводя итоги всему сказанному, мы можемъ теперь возстановить образъ славнаго пѣвца Украины въ немногихъ строкахъ.

Изъ Шевченко родные его пытались сдѣлать пахаря-„гречкосія“ и пастуха; помѣщикъ Энгельгардтъ вмѣстѣ со своею челядью предназначалъ ему карьеру повара, а затѣмъ и „казачка“ — лакея; „мочеморды“ полтавскіе, какъ потомъ и новопетровскіе, не прочь были превратить его въ пьяницу; изъ него въ теченіе десяти лѣтъ старались выкроить усерднаго служаку — фронтовика; наконецъ, вся печальная обстановка, въ которой онъ прожилъ съ дѣтства до могилы, какъ будто бы спеціально принаровлена была къ тому, чтобы сломить, принизить его. Но Шевченко мужественно прошелъ черезъ всѣ тяжелыя испытанія; всю жизнь свою, даже съ цѣпями раба на ногахъ, онъ былъ и до послѣдняго момента оставался живымъ, самостоятельнымъ, свободнымъ человѣкомъ, который во всѣхъ своихъ страданіяхъ сохранялъ самую нѣжную, дѣятельную любовь къ дорогой Украинѣ. „Я такъ ее люблю! — писалъ онъ — я такъ ее люблю, мою родину убогую! за нее душу погублю!“

Ей, Украинѣ, онъ принесъ въ жертву всю свою жизнь, ей отдалъ всѣ свои помыслы и ей-же завѣщалъ своихъ „диток нерозумныхъ“, свою до поразительной простоты правдивую поэзію.

До крайности съуживая свои личныя потребности и желанія, онъ широко раскрылъ сердце свое и мысль свою интересамъ и нуждамъ своей родины. И странно! какъ ни ограниченны были потребности его личной жизни, онѣ тѣмъ не менѣе всегда оставались неудовлетворенными и часто даже сдавленными, безъ всякой возможности какъ-бы то ни было проявить и обнаружить ихъ; здѣсь неудачи и несчастья безжалостно и систематически преслѣдовали его. И въ то-же время въ полетѣ своихъ общественныхъ начинаній, въ полетѣ орлиномъ, онъ всегда былъ безконечно удачливъ. До него мысль объ украинской литературѣ даже лучшимъ людямъ Россіи казалась смѣшной претензіей, и только. И вотъ, пренебрегая этимъ, Шевченко заговорилъ на родномъ языкѣ и силою своего громаднаго дарованія заставилъ вслушиваться въ свою рѣчь и наслаждаться музыкой этой рѣчи даже тѣхъ, кто самъ не умѣлъ владѣть ею. Да что языкъ?! Еще болѣе удивительно было то, что вмѣстѣ съ языкомъ онъ заставилъ насъ полюбить и народъ, о которомъ до Шевченко никто еще не умѣлъ говорить такъ просто, такъ задушевно, такъ сильно. И если на великорусскихъ людей Шевченко своимъ стихомъ дѣйствовалъ съ потрясающей силой, то на родинѣ онъ творилъ чудеса: тамъ онъ разрушилъ перегородки, отдѣляющія человѣка образованнаго, культурнаго, отъ массы населенія, и создалъ поэзію, одинаково дорогую, одинаково доступную для всей Украины, какъ бы высоко ни поднимался онъ въ сферу общечеловѣческихъ идеаловъ.

Онъ понятенъ каждому, потому что онъ излагаетъ не мысль свою, которая можетъ быть очень далека отъ голоса чувства и нерѣдко нуждается поэтому для своего выраженія въ изысканно-искусственной формѣ. Рѣчь Шевченко —это непосредственный отзвукъ сильно бьющагося сердца,

и, какъ стонъ, какъ вздохъ, она правдива и общепонятна. Шевченко не разсуждалъ теоретически о братоубійственной распрѣ, вписавшей въ исторію славянства столько кровавыхъ страницъ; онъ пережилъ и перечувствовалъ ее и не въ отвлеченныхъ терминахъ ученаго поэтому говоритъ онъ о ней, а болѣзненнымъ стономъ вырывается изъ груди его мольба, „чтобъ житомъ и пшеницею, какъ золотомъ покрытая, неразмежеванной осталась-бы навѣки отъ моря до моря славянская земля“.

Слава Шевченко, какъ поэта, такъ велика, что въ яркихъ лучахъ ея совершенно утонулъ и растворился Шевченко-художникъ. А между тѣмъ, современники Шевченко говорятъ намъ о „замѣчательномъ дарованіи“ его въ этой области творчества; они свидѣтельствуютъ о томъ, что, не шути съ нимъ судьба злыя шутки, онъ и здѣсь могъ-бы создать нѣчто великое, которое славу Шевченко-художника передало-бы потомству на вѣчныя времена. Самъ Шевченко былъ о своемъ художественномъ дарованіи очень скромнаго мнѣнія. „Живописцемъ-творцомъ,—писалъ онъ,—я быть не могу; объ этомъ счастьи не разумно было-бы и помышлять“. Въ этой двойственной дошедшей до насъ оцѣнкѣ художественнаго таланта Шевченко мы разбираться не станемъ. Для насъ важно въ данномъ случаѣ уже то одно, что работая и кистью, и рѣзцомъ гравера, точно также какъ и перомъ писателя, Шевченко помышлялъ только о служеніи дорогой родинѣ; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы „распространять посредствомъ гравюры славу славныхъ художниковъ, распространять вкусъ и любовь къ доброму и прекрасному“. И художественное дарованіе Шевченко не только не вредило его поэтическому генію, но, напротивъ, развивало и укрѣпляло этотъ послѣдній, а самого поэта не одинъ разъ спасало отъ горькой неволи и тягостныхъ страданій. Въ то время, какъ эта „бисова муза“, прославившая Шевченко, довела его до солдатчины и потомъ частенько грозила ему всякими другими бѣдами и непріятностями, художественное дарованіе спасло его отъ крѣпостной неволи, оно-же „вызво-

ляло“ его изъ бѣды неминучей и впослѣдствіи — и въ безплодныхъ прикаспійскихъ степяхъ и въ столицѣ, по окончаніи солдатчины.

Вѣчная слава Шевченко-поэту и добрая, добрая память Шевченко-художнику!

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Марта 1901 г

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная 6.